

**Тот, кто судит людей
по одежке, никогда
не разбогатеет,
это я точно знаю.**

(С. 4)

**Бытовало общественное
наказание —
неприглашение
к джамаатским работам.**

(С. 25)

ДАГЕСТАН

№6 (153)

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 2018

dagjournal.ru

Колонка неглавного редактора

Столичный Дэдди и другие города

В кресле мэра столицы республики — новое лицо: Владимир Васильев, по собственным словам, едва выцарапал из-под Сергея Собянина ценнейшего специалиста и при этом нашего земляка.

...Завидовать Салману Дадаеву даже как-то неловко. Рулил себе потихоньку в уютном Центральном округе Москвы, где на долю Басманного района приходится целых 816 гектаров, 152 улицы и 110 тысяч населения без «понаехавших». Зато каждый квадратный метр — на вес золота. А тут раз, и дауншифтинг — велкам ту Махачкала, ты нужен своей первой родине, сынок.

Общественность, понятно, в стороне не осталась. Подняли родословную, служебное досье, просветили как рентгеном все явные и мнимые связи, дела, бельё и отсутствующую в паспорте пятую графу. Ещё в дверь человек не вошёл, а ему уже отсыпали щедро, с истинно дагестанским гостеприимством: кто ты по нации, столичный Дэдди?

Ладно бы кто посочувствовал... Мол, не по Салману шапка, тут и не таким головастым путёвки на нарды выписывали. Проклято мэрское место, да и город, папа дорогой, ой, как непрост. Расстрельная должность: построенное — сносить; собственников, пусть и липовых — щемить. Муррад Алиев, предшественник, и месяца не высидел, хотя и не сел в итоге. Но, сказали старшие товарищи: ты человек свежий, молодой-энергичный, юрист-законник, и хоть не совсем наш, но немножечко свой. Или — наоборот. Мы тут тебе девушку сговорили, на лицо и фигуру пока

внимания не обращай. В приданом — временная индульгенция на мелкие косяки и наше благословение на подвиги, герой. Ибо тебе всё исправлять, строить новую Махачкалу, какой прежде не бывало. От обеда и до Каспийска.

О том, какие именно реновации ждут наш славный город и его врио — в тексте Андрея Меламедова, хроникера и бытописателя промышленности и инфраструктуры.

Отдельные дополнения и измышления — в материале Тамерлана Магомедова, протянувшего извилистую логическо-логистическую цепочку углеводородов от причалов Махачкалы до Дербента и Ирана. И где-то в этой цепочке — сгущающаяся тень Сулеймана Керимова и его репутация человека, умеющего делать дела и деньги. Вертим тарелочку и гадаем на будущее.

Утомительное ожидание грядущих перемен к лучшему и светлому скрашивает Светлана Анохина, и её Львов, Тбилиси и Стамбул. Настолько, что хочется немедленно ехать. Или немедленно выпить — от невозможности мигом перенестись на эти атмосферные улочки и улицы.

...А вообще-то, читатель, вот-вот Новый год, с чем мы тебя и поздравляем. Пусть у нас и у наших городов всё будет хорошо. Дэдди Мороз Дадаев нам в помощь. Ведь мы им, столичным, подарили Рену Эфендиеву и Махача Хайбаева...

Дмитрий Горбанев

Содержание

Наида Хаспулатова
4 Невысокий шатен
и его ботинки

Андрей Меламедов
10 Есть у реновации
начало...

Тамерлан Магомедов
14 Мы пришли
сегодня в порт...

Наида Хаспулатова
18 Чарода:
книги, яки и отток

Генезис
25 Сергей Лугуев.
Этика этноса

Влада Бесараб
30 Много солнца

Фото в номере: Руслан Алибеков, Карина Алиева,
Светлана Анохина, Асият Арслангереева,
Зарият Идрисова, Владимир Севиновский

16+

ДАГЕСТАН

№6 (153) ноябрь-декабрь 2018 г. Выходит с августа 2002 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство печати
и информации
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4,
2-й этаж (Союз писателей Дагестана)

Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
135000000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

38 На пороге *Влада Бесараб*

52 О городе и мире *Светлана Анохина*

42 Цахурская свадьба *Владимир Севриновский*

59 Тайная тетрадь *Магомед Бисавалиев*

46 Правила жизни Рены Эфендиевой *Дамир Саидгазин*

62 Сказка о Безбашенной Принцессе *Анастасия Блищавенко*

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года.

Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

Перерегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан. Свидетельство ПИ № ТУ05-00346 от 16 сентября 2016 года.

ОГРН 1020502629927

Номер сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан».

Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос». Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Подписной индекс:
на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Периодичность – раз в два месяца

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у распространителей – свободная.

Усл. п. л. – 8,5.
Тираж – 1200 экз.
Номер заказа –
Дата выхода –

Найда Хаспулатова

НЕВЫСОКИЙ ШАТЕН И ЕГО БОТИНКИ

Аварец Махач — первый сапожник в своём роду, из обычной семьи. Занялся обувным бизнесом, потому что очень любит деньги и обувь. Пока своим выбором доволен. И доволен не только он: число клиентов его компании Migliori постоянно растёт, среди них и VIP-персоны, которым по карману любая обувь. О том, что 95% дагестанцев она недоступна, мы решили не рассуждать.

Интересно нам в бизнесе Махача Хайбаева другое. А именно — почему состоятельные любители красивой обуви выбрали именно его продукцию, а не купили брендовую итальянскую или французскую обувь? И как ему в таком возрасте и без стартового капитала удалось построить собственный успешный бизнес?

Денди в общежитии

Я родился в Махачкале в 1994 году, у меня мама врач, папа инженер в МТС; здесь школу окончил. Поехал поступать в Санкт-Петербург, родители присылали три тысячи рублей в неделю. Я даже не помню название вуза, настолько редко я туда ходил. Высшего образования у меня нет — я с третьего курса ушёл. Уже на втором курсе зарабатывал больше, чем все мои преподаватели, вместе взятые.

У меня в голове не укладывалось: чему меня может научить человек, у которого самого нет стабильности в жизни. Они рассказывали про технику прошлого века, а она меняется каждый год.

Родители плохо отнеслись, когда я бросил институт; для пятидесятилетних высшее образование — это номер один, потому что это всё, что у них было. А для нас всё по-другому. Мы, молодые предприниматели, можем и не покупать квартиру или машину, мы лучше вложим в бизнес, а родители считают, что должны быть собственностью: квартира и машина.

Я в 17 лет работал промоутером по рекламе и зарабатывал 150 тысяч в месяц. Я жил в общежитии, и у меня было 25 пар обуви — это было очень смешно. Мне почему-то не приходило в голову, что можно снять квартиру, хотя я покупал дорогие шмотки, ботинки, телефоны. В общежитии все бесились. Я всегда хорошо продавал, легко общался. Мне хотелось что-то создать, чтобы моё финансовое и эмоциональное состояние не зависело от других.

... При взгляде на обувь сразу вижу, какой это ценовой сегмент, но по ней никогда человека не сужу. Тот, кто судит людей по одежке, никогда не разбогатеет, это я точно знаю.

Два бизнеса за 30 тысяч

Я всегда любил красивую обувь. А в Питере столкнулся с тем, что из-за соли, которую сыпали зимой на дороги, туфли стали покрываться белыми разводами — такое мерзкое ощущение. И я начал думать, как убрать эту соль и добиться, чтобы вся обувь блестела. Я свои туфли научился полировать, и когда промоутерская тема закончилась, я устроился в салон по пошиву обуви на заказ в центре Питера менеджером по продажам, завёл Инстаграм. Я увидел, что обувь у них классная, прошита чётко, но вообще не блестит. Я научился приводить их в красивый вид, красить, полировать, от влаги защищать. В нашем шоу-руме продаётся косметика для обуви, с ней любая будет блестеть.

Потом я заказал и выставил на продажу две пары ботинок под своим брендом Migliori (итальянское — самое лучшее). Это была моя первая и

единственная инвестиция в бизнес — 30 тысяч рублей. Потом мы развивались на доходах.

Если подходить профессионально к созданию бизнеса, надо исходить из рынка. Но у меня вначале просто было желание делать хорошую обувь. Дальше я осознал, какой она должна быть, как должен происходить процесс, чтобы существующий небольшой рынок обуви на заказ заполнить и увеличить, чтобы люди перестали покупать готовую обувь. Очень много компаний появилось после того, как я начал этим заниматься. У меня есть ролик на Ютубе, как полировать ботинки, 50 тысяч просмотров набрал; и на обувном мероприятии ко мне подходили взрослые люди и говорили: «Я начал заниматься обувью после этого ролика».

И пошла обратная связь... Я увидел, что у всех клиентов одинаковые проблемы с обувью, с ассортиментом, у них нет времени ездить по мастерским и магазинам. И эти вопросы я первым решил, сказал: «Не нужно к нам приезжать, мы сами приедем снять мерку, а вторую пару... на Вацап напишите — и заказ оформлен». Когда они это услышали, сказали: «Вау, это бомба!». Я писал в соцсетях: я занимаюсь обувью, приходите, заказывайте; потом сарафанное радио, потом рекламой занялся, сейчас у нас целая машина маркетинга работает. В 2016 году про меня вышла статья на РБК, и после этой статьи

мы за пару недель продали обуви на 4 миллиона. Сейчас хотим колонку вести — все наши клиенты читают РБК.

Были и подъёмы, и спады — это неизбежно. Я оказался слишком молод и не сумел правильно договориться с партнёрами. Это привело к тому, что я остался не у дел — ни партнёров, ни компании. Только долги.

Недолго думая, перебрался в Москву, продал всё, что было. Деньги ушли на погашение долгов, поэтому пришлось начинать с нуля. У меня остались только нематериальные активы: соц. сети, сайт и база накопленных стандартов и документов. Чтобы выжить в первые недели, я продавал розы.

В Москве я познакомился с нашим нынешним директором по продажам. Вместе мы начали тестировать маркетинг. К концу года получили несколько заявок, а в начале января 2017-го

произошёл бум. Нас буквально завалили заказами. Сейчас у меня небольшая мастерская, где мастера в основном армяне, зарплата у них 70–120 тысяч, выше рынка. Дагестанцы пробовали устроиться, но они хотят работать, как привыкли, а меня это не устраивает.

В своём цеху я хозяин. Я не тиран, но я знаю, что мне нужно, и меня не нужно учить. Если бы я всех слушал, я бы ничего не сделал. Если я знаю — я требую, если я не знаю — я спрошу. За эту обувь я отвечаю.

...Ничего не знаю про «лакскую» обувь, по comments, другой продукт, для других людей, в поле зрения она даже не попадает.

Синий камуфляж

Чаще всего у нас заказывают синюю обувь, так как синие костюмы давно в моде, а обуви такого цвета почти нет. Ещё любят заказывать средне-коричневые, чёрные туфли. Многие берут с каким-нибудь эффектом — патинирование, затемнение, камуфляжная окраска. То, что вы видите у меня в руках, — самые мои любимые и популярные сейчас «хайкеры» в синем камуфляже. Большинство предпочитает цельнокроенные модели. Наша обувь красится очень дорогими французскими красками Saphir, мы её покупаем прямо у производителя во Франции и красим в мастерской вручную.

Современная обувь — комфортная, свободная, со сплошной подошвой. Хотя для классического костюма лучше всё-таки тонкая кожаная подошва.

Последние 5–7 лет идёт тенденция заказывать одежду. Например, мужчина может купить какой-нибудь костюм Кавалли или Хуго Босс за 80 тысяч. Но за 60 тысяч он может сшить костюм из ткани лучшей, чем у Хуго Босса, детали будут лучше и, главное, он будет идеально сидеть по фигуре.

То же самое здесь. У нас цена одной пары начинается с 29 900 рублей, но мы используем кожу, которой нет в готовых туфлях за 27–30 тысяч. У нас молодой бренд и мы берём самую лучшую французскую кожу с фабрики HERMES и английскую замшу — такого качества за такую цену готовой обуви просто нет. Вот эта пятнистая — самая дорогая кожа в мире из какого-то особенного телёнка. Мы хотим сделать нашу продукцию самой модной, чтобы человек, сравнивая известный бренд и нашу компанию, выбрал нас. Потому что мы всегда выйдем «вау».

У нас формат работы европейский, мы работаем так, чтобы было не стыдно представлять свою обувь на международном рынке. В чём ещё плюс обуви на заказ? — клиент заранее знает, что получит, видел модель, подошву, кожу, пощупал её. Без риска.

У нас на сайте есть онлайн-конструктор, с его помощью любой может составить «туфли своей мечты» из 50 тысяч вариантов, но есть и дизайнеры, которые объясняют, что кому подходит. Мы никогда не будем рекомендовать, например, к джинсам классические туфли — подбираем под задачу. Если человек полный, советуем круглую обувь, потому что ступня у него широкая, и если сделать длинный носик,

он будет приподниматься. Высокому мужчине мы рекомендуем классический нос, чтобы эстетически правильно выглядело. У нас целый алгоритм, он очень технологичный, поэтому его тяжело нарушить. Модели я придумываю сам, хотя никогда обувному делу не учился. Но любого мастера всё равно учу шить, потому что если есть проблема, могу найти и устранить её.

Приходит стандартный клиент — спрашиваем, какая у него задача, предлагаем варианты, чуть корректируем. Например, он говорит, что ему нужна обувь на каждый день. Мы не будем предлагать ему кожаную подошву — предложим полиуретановую, которая долго носится. Есть сочетание полиуретана и кожи, её можно носить и в дождь, а тонкая кожаная подошва сложную форму не удержит.

Есть ребята, которые хорошо зарабатывают, но ходят пешком. Это те, которые в правительстве работают, — для них важен и дресс-код и комфорт. Для нас же важно, чтобы клиент был доволен, чтобы окружающие говорили, какая у него крутая обувь; чтобы в следующий раз он не шёл в магазин, а заказал у нас. К нам может прийти даже человек со средним доходом, позволяющий себе обувь за десять тысяч. Пусть посмотрит, прикинет — мы всегда даём мерить ботинки. Надев нашу обувь один раз, и ощутив комфорт, он начнёт копить на нашу работу.

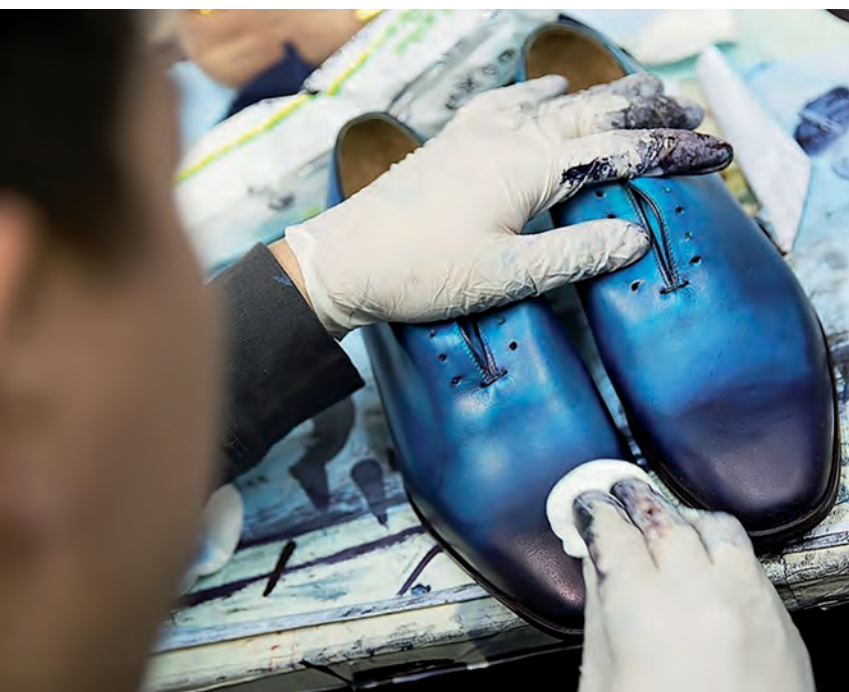
Вот такие вещи в Европе, в Москве очень копируются, их начали и в Махачкале понимать.

Инстаграм стирает границы, многие дагестанцы подписаны на мужские аккаунты по стилю.

Мы не продаём, а выстраиваем отношения

У меня менеджеры едут на заказ с каталогом и образцами кожи в любую точку города, потом они же доставляют заказ — именно с этого начиналась моя концепция. Так же будет и в Махачкале: люди могут прийти на примерку в шоурум, или вызвать бесплатно менеджера к себе. Людям нравится современная классика, цвета такие интересные, но они не попугайские, не для фриков; мужчина даже зелёные ботинки может надеть с синим костюмом — потрясающе будет выглядеть! Если он хочет синий замшевый ботинок, он его получит, надо дать ему это, чтобы он подсел на нашу обувь. Когда клиент получает ботинки, к нему на почту приходит письмо, где я записал уникальную инструкцию, как ухаживать за обувью, как её правильно носить. Хотите секрет раскрою, как её носить пять лет? Три пары купите и каждый день меняйте. Обувь должна отдыхать, а если каждый день носить, за год содохнет. Очень полезно надевать туфли на кедровые колодки, формодержатель.

Мы клиенту продаём не ботинки, а сервис, я могу даже от клиента отказаться, если он однократный — нам нужны постоянные. Это от меня зависит, купит клиент или нет, а не от клиента. Это очень важное правило, которое нужно понять и принять. Тысячи людей сказали, что обувь дорогая, что я выбрал неправильную нишу. А у нас всё хорошо, прямо прёт, у нас самый крутой проект, в Москве больше 1650 человек заказали в Migliori обувь один раз, больше 500 — несколько раз, то есть стали нашими постоянными клиентами. Первые лица государства у нас заказывают — министр промышленности и торговли Денис Мантуров; пресс-секретарь президента Дмитрий Песков заказывает — посмотрите это фото у него дома (Татьяна Навка фотографирует), его сын тоже заказал; много клиентов из федерального правительства и министерств. У нас покупают и звёзды шоу-бизнеса — Сергей Шнуров, Дмитрий Хрусталёв, Владимир Васильев, Камил Гаджиев и Али Багаутдинов из Fight Nights Global. Я говорю про VIP-клиентов, которые могут себе позволить любую обувь, но носят нашу.

В месяц у нас оборот от 5 до 1,5 миллиона в месяц. Декабрь — пик, июль — самый меньший. Просто все люди нашего сегмента летом уезжают.

Мечты

У меня всё в бизнесе, и если я выдёргиваю крупную сумму, всё останавливается. Если сравнивать, сколько стоит московская квартира и сколько я смогу заработать, если вложу такую сумму в бизнес, то это будет преступление против самого себя. Поэтому в Москве все молодые предприниматели до 35 лет вообще не покупают жильё. Я езжу на такси, это дешевле выходит, тем более что парковка очень дорогая в центре Москвы — 100 рублей в час. И когда пробка в час пик, быстрее в метро проехать. Снимать можно квартиру очень крутую, я снимаю недалеко от работы. Офис у меня на Павелецкой, а квартира в Царицыно. За 70–80 тысяч можно в центре снимать роскошную квартиру стоимостью в 70–80 миллионов — это сколько нужно работать! Идеально снимать квартиру рядом с офисом и построить загородный дом по своему вкусу, чтобы, если офис поменялся, тут же переехать на новую квартиру. Зато когда компания будет большая, можно будет наслаждаться жизнью.

Сейчас родители мне полностью доверяют, со временем они поняли, что мои решения самые лучшие для меня.

Планирую открыть по России федеральную сеть салонов. В Москве, Питере, Махачкале уже есть шоу-румы, следующим городом будет Краснодар или Казань. Такая у меня миссия — мужчин с высоким достатком хочу красиво обуть и сэкономить им время. Женскую обувь пока шить не планирую — здесь всё гораздо сложнее, оборудования понадобится очень много, каблуки нужно выбирать.

Если человек может заниматься бизнесом, он хоть в Африке будет его делать, хоть здесь. Просто уж если начал делать, нельзя останавливаться при первых же трудностях, каждый день будет тяжело, тысячи препятствий на пути придётся преодолеть. Государство и его правила вообще ни при чём — ты ведь заранее знаешь эти правила, и если соглашаешься с ними, то действуешь. Я считаю, что все препятствия в головах, человек делает, ошибается, учитывает ошибки и дальше делает.

Андрей Меламедов

ЕСТЬ У РЕНОВАЦИИ НАЧАЛО...

Владимир Васильев не даёт интервью дагестанским журналистам. Общается исключительно с представителями федеральных СМИ. Очевидно, считает, что информации, которой он делится во время мероприятий, на которых присутствует местная пресса, вполне достаточно — как для понимания проводимой им политики, так и для того, чтобы присутствующие представили себе, в каком направлении будет развиваться Дагестан.

Несмотря на то, что во время этих встреч глава республики говорит практически одно и то же: как важно добросовестно платить налоги и как правительство планирует потратить «дополнительные» деньги, — время от времени он озвучивает действительно эксклюзивные факты. Как, к примеру, это случилось в конце ноября, на расширенной коллегии налоговиков, где говорилось о том, что политика, проводимая главой, за десять месяцев принесла в казну более двух миллиардов рублей.

Так вот, выступая на заседании коллегии, Васильев рассказал о судьбе кирпичных заводов близ Каспийска. Примерно за неделю до него об этом же говорил глава Минприроды Набиюла Карачаев. Оба сообщили, что заводы будут работать до 31 декабря. После этого их планируется перевести на одну из двух инвестиционных площадок, подготовленных в республике («Тюбе» или «Уйташ»), где кирпичи будут производить не «напольным» методом, как это делается сегодня, а в современных цехах.

Сообщение Карачаева в республике практически не заметили. Возможно, потому, что подобные идеи в Дагестане озвучивались не раз и не два. Тот же Карачаев года три назад обещал окончательно решить судьбу этих заводов, более того, на фоне громких заявлений министра некоторые из них были даже временно закрыты. Эксперты и экологи тогда, помнится, с надеждой заговорили о том, что так же поступят и с остальными предприятиями. Но потом всё как-то само собой рассосалось: разговоры и обещания забылись, заводы опять начали дымить и поставлять на рынок не очень качественный, но достаточно востребованный из-за своей дешевизны местный кирпич.

В реальность планов по переводу заводов на действующие инвестиционные площадки в республике поверили лишь после того, как эту информацию вслед за Карачаевым озвучил Васильев, который за время работы в Дагестане показал, что слов на ветер не бросает. Кроме того, за год с небольшим он продемонстрировал достаточно системный подход к решению тех тем, которые он включает в круг своих приоритетов. Судя по некоторым моментам, кирпичные заводы в этот самый круг попали. Глава, во-первых, пообещал лично отслеживать процесс перевода всех заводов на новые площадки, а, во-вторых, сообщил о своих планах по использованию территории на окраине Каспийска.

По словам Васильева, на освободившихся шестистах гектарах по примеру Новой Москвы планируется построить Новую Махачкалу. Впервые глава республики сообщил о том, что намерен прекратить, наконец, точечную застройку города, практически убитого многоэтажками, для чего столицу необходимо в срочном порядке расселить.

До этого, говоря о проблемах Махачкалы, глава республики акцентировал внимание лишь на незаконных стройках. Очевидно, на тот момент он думал, что проблемы города можно решить при помощи сноса домов-призраков, которых в дагестанской столице обнаружилось почти четыре сотни. В связи с этим Васильев сгоряча объявил, что все они будут ликвидированы и даже дал отмашку на снос двух самых проблемных объектов.

Но после того как жители домов, попавших в «чёрный» список, начали готовить акции протеста, «выяснилось», что массовый снос затрагивает интересы тысяч семей. Васильев пересмотрел своё отношение и обратился к Владимиру Путину с просьбой помочь таким образом, чтобы это не ударило по людям, вложившим последние деньги в покупку жилья.

Президент в свою очередь дал поручение Минстрою разобраться. В конце ноября в Дагестан специально для этого прибыл первый заместитель министра строительства и ЖКХ России Леонид Ставицкий. К незаконным строениям он отнёсся достаточно лояльно и после изучения ситуации сообщил, что главное — «действовать в интересах людей, которые не должны страдать от того, что застройщик возвёл незаконное здание». Иначе говоря, дома будут сноситься лишь в крайнем случае. К примеру, когда конструктивные элементы здания не обеспечивают безопасности. Если при этом их нельзя усилить, то такой дом, безусловно, пойдёт под снос. Как и то, что построено в особо охраняемой зоне. В любом случае, заметил Ставицкий, республика должна обратиться в Москву для решения вопроса о выделении денег на предметное обследование каждого проблемного дома.

Понятно, что процесс этот достаточно долгий, затянется, как минимум на год, да и то в лучшем случае. Но и после этого проблемы Махачкалы никуда не исчезнут, поскольку очевидно, что перекосы точечной застройки города нельзя решать точно, — время упущено. Снос десятка домов из проблемного списка — это полумера, которая на здоровье города заметно не повлияет. А раз так, то надо думать, как развивать Махачкалу дальше, в условиях тотальной нехватки земли в Дагестане.

Заявление Васильева о возможном проекте «Новая Махачкала» как раз и даёт ответ на этот вопрос. И одновременно порождает множество других.

Примерно год назад корреспондент журнала «Дагестан» опросил множество экспертов, выясняя у них, как сегодня можно спасти Махачкалу. Поводом для этого расследования послужило выступление старшего научного сотрудника Института проблем рынка РАН

Михаила Чернышова на заседании Кавказского политико-экономического клуба «Развитие регионов: стратегия — 2050».

По мнению Чернышова, сегодня Махачкала является одним из самых уязвимых городов России с точки зрения готовности к серьёзному землетрясению. Между тем исследования учёных Института физики Земли РАН убеждают, что с каждым годом увеличивается вероятность серьёзного сейсмического события на территории Дагестана. При этом, по словам Чернышова, сценарий возможного землетрясения в Махачкале близок к гаитянскому, когда в 2010 году на этом острове в результате семибального землетрясения погибло около 200 тысяч человек, а около 300 тысяч получили ранения различной степени тяжести.

В своём докладе Чернышов высказал предположение, что спасти город может только тотальная реновация и строительство города-спутника на 100–150 тысяч жителей. В свою очередь специалисты, опрошенные корреспондентом журнала «Дагестан», единодушно поддержав идею Чернышова, предложили сразу несколько площадок, которые могли бы стать центрами будущей реновации. Архитекторы и строители сошлись во мнении, что города-спутники, за счёт поквартального

переселения в которые можно спасти Махачкалу, возможно построить сразу в нескольких местах. На территории, которую Саид Амиров готовил под проект «Лазурный берег» (здесь строительство можно было начинать хоть завтра, поскольку для этой площадки архитекторы «Моспроекта-3» подготовили современный проект), на месте бывшего ипподрома, на площадке Немецкой деревни, а также за Буйнакским перевалом.

При этом все опрошенные сходились во мнении, что простое строительство городов-спутников проблемы дагестанской столицы окончательно не решит. Необходим единый проект, предусматривающий реновацию Махачкалы за счёт расселения и последующего сноса самых проблемных кварталов города. В частности, один из лучших строителей республики Омар Омаров считает, что «строительство новых городов вблизи Махачкалы должно быть тесно увязано с проектами реновации дагестанской столицы. Иначе эта работа смысла не имеет. В города-спутники в первую очередь должны переселяться жители самых проблемных кварталов Махачкалы. С тем чтобы после сноса всех домов и расчистки территории на месте старых кварталов строить новые. С парковками, зелёными зонами, удобными транспортными развязками. Другого пути

спасения Махачкалы я не вижу. Да и не существует другого пути сегодня».

При этом, по мнению экспертов, большую часть затрат по реализации данного масштабного проекта мог бы взять на себя строительный бизнес. Последующие консультации с владельцами наиболее крупных и успешных строительных фирм республики показали, что они действительно готовы вкладывать деньги в этот проект.

Увы, на тот момент проект реновации Махачкалы никого не заинтересовал. Время было выбрано не очень удачно: поменялось руководство Дагестана, и политика на долгое время потеснила экономику. За это время по ряду причин некоторые из предложенных экспертами площадок «потерялись». После принятия решения о строительстве военного порта с солидной инфраструктурой вблизи Каспийска, территория бывшей Немецкой деревни отошла к Минобороны. На площадке ипподрома с подачи Здунова решили построить гипермаркет Леруа Мерлен, а также коммерческое жильё. Поскольку эти планы никак не связаны с проектом реновации Махачкалы, эту площадку мы, скорее всего, тоже потеряли.

Сегодня под угрозой оказалась и территория бывшего «Лазурного берега», поскольку её владельцы озвучили планы по распродаже

участков. Иными словами, и эта земля, скорее всего, не будет застраиваться в рамках единого проекта, и поэтому в качестве спасительного города-спутника рассматриваться не может.

Таким образом, до недавнего времени в сухом остатке мы имели лишь территорию за Буйнакским перевалом. Судя по заявлению Васильева, велика вероятность того, что к ней вскоре добавится земля, на которой сегодня работают кирпичники.

В принципе для начала реновации этих двух площадок вполне хватит. Тем более что пока ещё возможно решить вопрос с цивилизованной застройкой «Лазурного берега». Дело за малым. Нужен единый проект реновации Махачкалы за счёт строительства современных городов-спутников.

Даже не так: необходимо достучаться до властей республики, чтобы они объявили проект реновации Махачкалы приоритетным, сделали его главным проектом республики на ближайшие десять лет. Чтобы в итоге мы получили грамотный продуманный проект, чётко программирующий работу строительной отрасли на ближайшее время. Чтобы «спутники» не превратились в очередную кормушку для тех же маалинцев, а их возведение работало на общее дело спасения дагестанской столицы. Чтобы Новая Махачкала спасла Махачкалу старую.

Тамерлан Магомедов

МЫ ПРИШЛИ СЕГОДНЯ В ПОРТ...

Главым событием месяца для меня стал юбилей Махачкалинского морского торгового порта. Благодаря этому, а также выступлениям по этому случаю его генерального директора Мурада Хидирова. Были озвучены цифры: в нефтеналивном районе порта действуют пять специализированных причалов, способных обслуживать одновременно столько же танкеров. А годовая мощность порта по перевалке нефти составляет 7,9 млн тонн.

Чтобы понять, что означают для Дагестана эти цифры, достаточно заглянуть в данные статистики объёмов добычи нефти странами Каспийского бассейна. Так, среднесуточная добыча нефти в Иране составляет порядка 3,8 млн баррелей в сутки, а это почти 520 тысяч тонн. Иначе говоря, этот сосед может на год загрузить нефтеналивные мощности Махачкалинского порта всего за 15 дней добычи нефти. Куда девать, если придётся, иранскую нефть, добытую за остальные 350 дней — большой вопрос.

Жесточайшие санкции — на грани полной блокады — против Ирана вступили в силу 5 ноября. Американцы не только отключили его от международной платёжной системы SWIFT, но и наложили санкции почти на все отрасли экспорта и импорта. Прежде всего, на экспорт нефти и газа, составляющих 80% экспорта Ирана и 45% бюджета страны. Речь идёт о полном отключении Ирана от всего мира. Наказывать будут не только тех, кто будет пытаться продолжать с Ираном торговые отношения. Наказывать будут даже те американские компании, которые будут как-либо связаны с компаниями-нарушителями из других стран. Учитывая вероятность скачка цен на нефть, США позволила странам-партнёрам

сокращать закупки иранской нефти поэтапно. Вопрос — чем будет кормить своё население главный партнёр России на Ближнем Востоке — в перспективе будет только обостряться. Особенно с учётом того, что наложение западных санкций во многом явилось результатом военно-политического сближения Ирана с Россией. В ответ на санкции в Тегеране заявили, что политика Вашингтона не сможет остановить иранский нефтяной экспорт. Так куда же пойдёт нефть?

«Цель американских санкций — калечить и сдерживать экономику Ирана, но в реальности их результатом стало стремление страны к самодостаточности», — выступил аятолла Хаменеи с заявлением, которое по своей риторике очень перекликается

с аналогичными выступлениями российского руководства. Хаменеи напомнил, что противостояние Ирана и США началось в 1979 году, когда в результате исламской революции оказался свергнут шах Мохаммед Реза Пехлеви. Это противостояние продолжается уже 40 лет, принимая самые различные формы непрямого конфликта. «Главная задача Соединённых Штатов — вновь добиться своего доминирования, которое было в период шахской тирании. Но этого не будет», — решительно заявил верховный лидер Исламской республики, которая сегодня втянута в военные конфликты в Палестине, Ливане, Йемене и, естественно, в Сирии. Каждый конфликт требует колоссальных вливаний финансов, военной техники и людских ресурсов, количество которых в ближайшие два года будет неуклонно сокращаться. Но где же выход из патовой ситуации?

Выход у Ирана один. По мере сокращения закупок иранской нефти странами-партнёрами США, наверняка начнут нарастать объёмы экспорта иранской нефти в Россию. Как уже говорилось выше, обеспечить перевалку такого объёма нефти один Махачкалинский порт даже с учётом возможной ускоренной модернизации не сможет. Поэтому выход действительно только один — необходимо строить новые нефтеналивные причалы в Дербенте, где недавно приземлился личный вертолёт Сулеймана Керимова, неожиданно воспы-

лавшего желанием преобразить родной город. В планах благоустройства города странным образом доминируют проекты строительства поблизости от города новых транспортных развязок, которые наверняка будут подключены к нефтепроводу Баку — Новороссийск, максимальная ежесуточная прокачка которого заявлена на уровне 105 тыс. баррелей нефти. В масштабах нефтедобычи в Иране это незначительный объём, что заставляет предположить вероятность строительства не только новых транспортных развязок в Дербенте. По всей вероятности, уже в ближайшее время будут озвучены планы или масштабной реконструкции существующего нефтепровода или строительства нового.

С учётом строительства нового порта начальной точкой такой реконструкции теоретически должен стать сам Дербент. Доводом в пользу этой версии может служить и построенная немного южнее Дербента нефтеперекачивающая станция Самур. Ещё две перекачивающие станции работают в Махачкале и около Кизилюрта, где нефтепровод во время чеченских событий сделал резкий поворот на север. Идущая из Дагестана в обход Чеченской Республики нефть сегодня встречается со следующей нефтеперекачивающей станцией только в осетинском Моздоке. Однако ранее нефть шла напрямую через Чечню, часть этой ветки от Моздока до Малгобека сохранилась, и до сих пор законсервирована.

Можно предположить, что новая ветка нефтепровода пройдёт прямо через Грозный, который недавно получил преференции от руководства страны и лично Игоря Сечина — на добычу и переработку нефти из собственных месторождений. Не случайно между Чечнёй и Ингушетией уже третий месяц сохраняется напряжённость по поводу принадлежности земель в гористой местности, где находится достаточно крупное Датыхское нефтяное месторождение. Однако нефть тут, по словам экспертов, с высоким содержанием серы, что и привело к отказу от его разработки в советское время. Да и зачем добывать дорогую сернистую датыхскую нефть, если по трубопроводу в Грозный вдруг пойдёт дешёвое и относительно чистое иранское «чёрное золото»?

Интерес российского руководства к закавказской нефти обозначился в ходе Международного экономического форума «Каспийский диалог», проходившего 14 ноября в Москве. В то же время организаторами было проявлено странное неуважение к представителю Азербайджана, которое было воспринято журналистами как явный сигнал руководству этой республики. Специальный представитель Президента Российской Федерации по вопросам гуманитарного и экономического сотрудничества с государствами Каспийского региона Рамазан Абдулатипов вообще раскритиковал азербайджанскую сторону за активное партнёрство в нефтегазовой отрасли с американскими компаниями и нежеланием сотрудничать с российским нефтегазовым бизнесом. О причинах, побудивших кавалера ордена «Достлуг» выступить с критикой в адрес азербайджанского руководства, можно лишь догадываться. Однако в беседе с иранскими журналистами бывший глава Дагестана упомянул и так необходимый для развития экономических отношений России с Исламской республикой, но пока несуществующий Дербентский морской порт, и заявленные недавно поставки баранины в Иран из Дагестана.

Говоря о баранине для Ирана, Абдулатипов обозначил заложенную под руководство нашей республики в сфере сельского

хозяйства опасную мину статистики. Ведь дагестанская баранина в свете антииранских санкций приобретает стратегическое значение, только вот достаточного для крупных поставок в Иран поголовья в Дагестане нет. И это может вызвать в Москве вопросы к Махачкале. Правда, следует понимать, что в новой программе «нефть в обмен на продовольствие» участвовать, вероятно, будет не только Россия. Обойти американские санкции очень выгодно и Европе, которая может также прибегнуть к бартеру с Ираном за спиной США. Эта схема расчётов, как надеются её авторы, поможет спасти заключённое в 2015 году соглашение по ядерной программе Ирана.

Согласно бартерной схеме Тегеран будет продавать нефть России, которая будет продавать её Европе. Европейские компании в обмен начнут поставлять Ирану товары и услуги. Никакие деньги за нефть Иран получать не будет, что позволит формально не нарушать американские санкции. В этой связи стоит предположить усиление российского давления на Азербайджан, ведь поставки того же продовольствия в Иран было бы удобно организовать сухопутным путём.

Вернемся к нашим баранам. По словам гендиректора Махачкалинского морского торгового порта Мурада Хидирова, общая грузоподъёмность железнодорожных и автомобильных паромных причалов достигает 1,3 млн тонн в год. Особая важность этого порта в том, что он пока является единственным незамерзающим глубоководным портом России на Каспии, то есть способен обслуживать логистику с Ираном круглый год. Основную долю грузооборота порта сегодня составляет сырая нефть. С начала 2018 года её удалось перевалить более 1,7 млн тонн, что на 198% выше показателей 2017 года. При этом перевалка сухих грузов за 10 месяцев также выросла на 138,7% и составила более 387 тысяч тонн. Что характерно, более 300 тысяч тонн — это отгруженное в Иран зерно. По зерну зафиксирован рост объёмов перевалки почти на 180% против прошлого года. Но есть и проблемы, решением которых уже озаботили недавно

приезжавшего в Дагестан министра транспорта РФ Евгения Дитриха.

До 95% грузов сегодня доставляется в порт и вывозится из него автомобильным транспортом. При этом на проходящую рядом с портом железную дорогу пропускной способностью 10 млн тонн в год приходится менее 5% всех транзитных грузов. Связано это с тем, что доставка железнодорожным транспортом грузов до портов Астрахани или Оля настолько дешевле, что стоимость транспортировки грузов в Махачкалу не компенсируется даже низким тарифом самого порта и удешевлением морских перевозок. Помимо этого, необходимо что-то делать и с подачей грузовиков в порт: им движение по Махачкале в дневное время запрещено. Как вариант, руководство республики планирует построить для порта объездную дорогу.

Есть и другие новости в области дорожного строительства. Первый заместитель председателя правительства республики Гаджимагомед Гусейнов провёл совещание по вопросу подготовки строительства

обходных участков федеральной автомобильной дороги (Р-217) «Кавказ» у Хасавюрта и Дербента. Говорили, в том числе, и о недопущении незаконного строительства в зоне предполагаемой реконструкции дорог. А она назрела и перезрела: специалисты уверены, что двух полос движения явно недостаточно. А возросшая интенсивность транспортного потока до 30 тысяч автомобилей в сутки оказывает крайне негативное воздействие на пропускную способность дорог и безопасность дорожного движения. Конкурсные процедуры на проведение проектно-изыскательских работ уже начаты, завершить их планируется до конца 2020 года.

К сожалению, на совещании не прозвучало ничего о том, что в зоне планируемого расширения дороги уже начата активная скупка земельных участков с целью последующей перепродажи государству по завышенной цене. Увы, великие планы государства обогатят далеко не всех дагестанцев. Участвовать в великих свершениях позволят не всем.

Найда Хаспулатова

ЧАРОДА: КНИГИ, ЯКИ И ОТТОК

180 километров из Махачкалы до Чародинского района мы ехали почти четыре часа. Это настоящая экскурсия по горному Дагестану: Гимринский тоннель, древние Гимры, Гуниб, Унцукуль, Гергебиль — чем дальше, тем выше становились горы и суровее природа. И вот асфальт заканчивается. Это мы приехали в Цуриб — первое по дороге село и одновременно райцентр Чародинского района.

Кажется, что здесь заканчивается цивилизация: ни асфальта, ни газа, ни централизованного водопровода. И основное занятие тоже исконное — пасти овец. Сёла — неперменное сочетание старинных домов и петляющих улочек в верхней части села и современных зданий в нижней. И сторожевые башни на околицах.

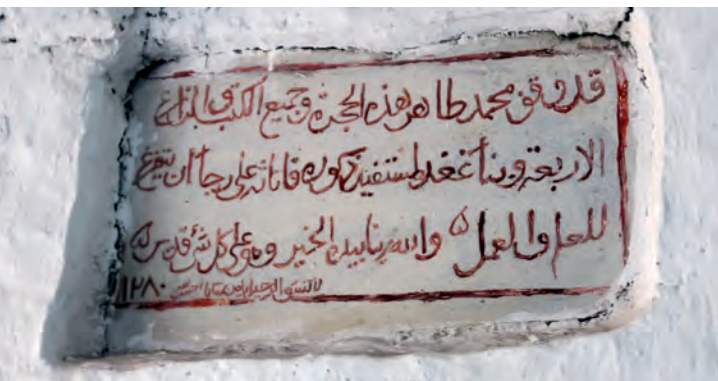
Конец пути

Старинное сооружение на вершине горы около села Тлярош уже начало разрушаться. Впрочем, как говорит глава села Магомед Салманов, таким полуразрушенным он его помнит с детства, и за 60 лет оно не изменилось и выглядит так же величественно. Когда мы подъехали к башне, увидели символическую картинку — древнее строение и яркий огромный экскаватор, прокладывающий дорогу из Тляроша дальше, в горы. Дорога будет гравийной, но это лучше, чем совсем без неё.

Вообще весь район производит впечатление какой-то утраченной цивилизации. Много заросших террас, которые тысячелетиями кормили предков жителей этого района — карахцев и арчинцев. Не заметно засеянных полей и новых садов — только посаженные ещё при Советах. В сёлах есть современные двухэтажные постройки, но судя по наглухо закрытым воротам и грязным окнам, в большинстве этих домов никто не живёт. На улицах, не считая Цуриба, почти нет людей. Именно в Тляроше открылась первая средняя школа в Чародинском районе, и она пустеет с каждым годом. Во вполне приличной типовой школе учится всего 100 учеников. По меркам Чароды это много.

Потомки

Мухаммада Тахира аль-Карахи

В старинной части тысячелетнего аула Цудда кипит жизнь: ходят люди, светятся окна, бегают куры. Именно здесь родился и жил Мухаммад Тахир аль-Карахи — секретарь имама Шамиля, муфтий Дагестана. Книга «Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах» — главное дело его жизни — единственное документальное свидетельство по истории борьбы горцев Дагестана за независимость, написанное дагестанцем, сторонником имама. Здесь сохранился его дом, подаренный учёному самим имамом.

Нашим проводником стал Абдулгаджи Абдулаев, директор дома-музея и прямой потомок аль-Карахи по мужской линии в шестом поколении. Первое, что нас встречает на узкой улочке, — старое здание с отдельным входом в подвал, а вместо подвала глубокая яма, зиндан для пленных и провинившихся жителей села. Яма очень узкая, диаметром не больше метра и глубиной метров пять. Страшно представить, что кто-то здесь жил месяцами.

Дом-музей с виду не впечатляет. Первоначально это был деревянный домик, и, чтобы уберечь от разрушений, его оштукатурили, настелили черепичную крышу, но комнату учёного сумели сохранить в неприкосновенности. Маленькое помещение, максимум десять квадратных метров. Именно здесь жил и творил известный летописец; тут его постель, столик, за которым он писал, кресло, маленькое и жёсткое, на котором он сидел во время работы, посуда и оружие, и, самое важное, его рукописи и библиотека за стеклом витрин. Абдулгаджи Абдулаев рассказывает про своего знаменитого предка:

— Мухаммад Тахир аль-Карахи родился в 1809 году, он был единственным ребёнком в семье; о его выдающихся талантах люди заговорили, когда он ещё был мальчиком. До него в нашем селе тоже были известные алимь, но он самый выдающийся — историк, секретарь имама, муфтий Дагестана. Тут его рукописи, он писал на арабском языке, библиотека обширная для того времени — 50 книг, его завещание. Библиотека до сих пор изучена только на треть. Это пресс, которым он бумагу резал. Тогда бумага была очень дорогой, за бумагу на книгу бык уходил.

Потом в этой комнате жил его сын, алим Хабибуллах, про которого Карахи говорил: «До моих

знаний сын не дошёл, но до чистоты сына я не дошёл». Посмотрите, здесь вход в подвал. Хабибуллах раз в год спускался сюда на 40 дней, сидел в полной темноте, ел один кусок хлеба в день, пил только воду. Это называется «халват», суфии считают, что такое затворничество необходимо, чтобы учёный поднялся до определённого уровня. Вот сабля, подаренная Шамилем в честь рождения сына. В 90-е годы её украли, потом обратно подбросили.

Ни один потомок Карахи не стал учёным, не пошёл по стопам предка. Может, среди молодого поколения появятся, почти все они в вузах учатся.

Нам открыли витрины и разрешили взять в руки старинные книги. Рукописи Карахи, с исправлениями его же рукой, тут же книги на арабском: сочинения по праву, грамматике, логике, поэтические тексты. В отдельной комнате висит огромная фотография, сделанная с его единственной прижизненной маленькой карточки 3 на 4.

На сельском кладбище Цалда среди других и могила аль-Карахи. Внушительный гранитный постамент — сооружение последних лет. Сам же надгробный камень скромнее, чем у его односельчан — обычный песчаник высотой полметра. Так он завещал. Сюда всегда приезжали люди на зиярат, приходят и сейчас, судя по цветным лоскутам на ограде и ближайшем дереве.

По дороге из Цудда в маленьком селе Утлух нам предложили посмотреть на старую подземную мечеть. Небольшая комната со сводчатыми потолками, вырытая в земле, обложена камнем и застелена коврами в несколько слоёв. Когда-то она

была молельной комнатой для путников, основная мечеть была в центре села. Но при советской власти, когда большую мечеть отдали под школу, верующие утлухцы тайно собирались здесь на молитву.

Яки вместо баранов

История — это хорошо, но приходится думать и о насущном.

Сёла стремительно пустеют. Но те, кто остался, пробуют искать новые источники доходов. Основное занятие здесь — овцеводство. Ещё один прямой потомок Мухаммад Тахира аль-Карахи, правда, по женской линии, решил заняться экзотическим для нас делом — он разводит яков.

Лично я их видела первый раз в жизни — огромные животные с густой шерстью и длинными рогами не спеша возвращаются в село, во двор **Магомеда Мухтарова**.

— Раньше я коров, бычков держал, нормально зарабатывал, но мне сказали, что яков растить легче и выгоднее. Они круглый год в горах пасутся, холод выдерживают до 60 градусов, волков не боятся, волки их боятся. Мясо яков вкуснее говядины. Пробовал молоко — жирное и вкусное, в три раза жирность выше, чем у коровы. Кожа используется на туфли.

Я в Кабардино-Балкарии купил 30 телёнок, их надо выращивать 3–4 года, планирую увеличить стадо яков со временем до 300 штук. Помимо яков, лошадей держу, коз. Мои односельчане, кто работы не боится, нормально живут, в основном овец и коз выращивают. С реализацией проблем нет, осенью закупщики приезжают, скупают весь наш товар

по неплохой цене. Хочу открыть крестьянско-фермерское хозяйство и подать на субсидии и гранты. На государство особо не надеюсь, хотя если оно сможет, намного быстрее хозяйство будет расти.

Мне 44 года, я не хочу, и никогда не хотел, жить в городе, мне нравится жить в горах. Хочу стада детям передать, чтобы они здесь остались, на родине.

Чародинские миллионеры

Цуриб — ещё и самое большое село района, больше трёх тысяч населения. Удивляет отсутствие следов сельхоздеятельности, но в основном, как нам сказали, жители Цуриба зарабатывают в бюджетных учреждениях.

Достаточно новое для древнего района село — ему меньше века. Когда-то здесь был хутор села Гочада, и при советской власти именно здесь решили построить райцентр, потому что до него легко добраться. Цуриб — первое село при въезде в район, дальше дорога идёт через горную часть и упирается в тупик высоких скал.

Последние соцобъекты Чародинского района тоже были построены в Цурибе. В 2014-м здесь открыли детский сад на 250 мест, объединённый с начальной школой. Аминат Магомедова домохозяйка, но её трёхлетний сын сам попросился в группу:

— Абдильчику здесь весело, у него столько друзей появилось, домой уходить не хочет. И с ними здесь много занимаются — учат рисовать, танцевать, понимают музыку, делают с ними утреннюю зарядку. Кормят очень хорошо, всё свежее и разнообразное.

Воспитатель **Джувьетта Адухова** рассказывает:
— Желающих много, группы переполнены — по 25 детей. Мы всех малышей с года до семи принимаем, никого не оставляем, даже тех, кто только на лето приезжает в село. Не важно, мама работает или нет. Наоборот, глава говорит, что в первую очередь надо принимать детей неработающих женщин — многодетных, малоимущих, чтобы им помочь, чтобы детей хотя бы в саду полноценно кормили.

У нас дети получают хорошее развитие, привыкают вести себя в социуме. Пространства достаточно, очень хорошая развивающая среда, физкультурный зал, много игрушек, интерактивная доска, техническая база очень хорошая. Дети любят свой садик.

Больница в Цурибе хорошая, в прошлом году построили новый корпус с современным оборудованием. Редкий случай в моей журналистской практике — главврач **Курбан Рамазанов** всем доволен.

— В прошлом году открыли инфекционное отделение на 8 боксов, доделали территорию. У нас есть родильное отделение, хирургическое, реанимационная палата, хорошая лаборатория, медикаментами полностью обеспечены, собираемся по-

купать лапароскопический аппарат. Нет проблем и с персоналом, 70 процентов врачей составляет молодёжь, очередь из желающих работать. Нам очень помогла федеральная программа «Земской доктор», по которой я продвинул девять человек, все они получили по миллиону рублей.

Лишь бы люди здесь жили

Когда мы приехали в район, здесь царил неподнятое настроение: ждали схватки вольника Абдурашида Садулаева за титул чемпиона мира. Садулаев родился и вырос в Цурибе, поэтому на прямую трансляцию цурибцы собрались в клубе за несколько часов раньше, чтобы пережить эти волнующие минуты вместе.

Несмотря на спортивный азарт, разговор с главой района **Мухидином Магомедовым** получился обстоятельный. Главное, что беспокоит: чародинцы покидают родные горы, есть уже и полностью брошенные аулы, во многих осталось меньше сотни жителей. Но глава понимает своих земляков — можно найти много мест, где жизнь легче и богаче:

— Я сам родился и окончил школу в Цурибе. Корнями из селения Содаб — маленькое село около Цуриба, сейчас там всего 70 человек. Работал в системе МВД в Махачкале, вышел в отставку и решил вернуться. Сначала был первым заместителем, в 2015-м избран главой района.

Когда меня избрали, начал с дороги до района и электроснабжения. Асфальт до Цуриба дошёл только в прошлом году. Это большой успех для тупикового района — комфортно доехать до райцентра.

Из школ только цурибская соответствует современным стандартам, много сборнощитовых. Но

в них некому учиться. По линии образования отток населения. Каждый год всё меньше и меньше детей в школах. У нас 1200 школьников в районе, на 53 села 9 средних школ, 28 их филиалов, в основном начальные классы и 15 детсадов. Сегодня в начальной школе с горем пополам в некоторых классах по 1–2–3 ребёнка всего.

В этом году таких школ 9. Девятиклассную школу в Шалибе мы хотим сохранить, потому что это единственное лакское село в Чародинском районе. У нас большая нехватка учителей химии, физики, математики, в каждой школе не хватает 2–3 человек.

Я тоже учился в такой маленькой школе с одним учителем. Если в Цурибе построить большой, хороший интернат и собрать всех детей из таких школ, лучше было бы. Я сам учился в интернате с 4 класса, а сейчас родители отправлять не хотят. Плюс отток после 9 класса: молодёжь уезжает, не видит перспективы.

Электричества раньше по несколько дней не было даже в райцентре — сети обветшали. В Цурибе с помощью депутата Госдумы Магомеда Гаджиева и директора Дербентского завода игристых вин Магомеда Садулаева установили новый трансформатор, но и его не хватает. А газа нет, и уже даже не обещают.

Основной доход населения — это зарплата бюджетников, их больше тысячи, и сельское хозяйство. Чародинцы, как и наши предки, разводят овец и коров. С пашнями беда, земля запущена. Наши пашни невозможно обрабатывать на тракторах, у нас сплошные склоны и террасы, фактически у нас нет ровной земли. Раньше на волах пахали, а сейчас кто будет это делать?

Остаётся только отгонное животноводство: зимой стада в Бабаюртовском районе, летом возвращаются в наши горы. Раньше вагонами перевозили баранов до Инчхе, а оттуда можно было пешком подняться в горы. Сейчас этого не делают, приходится возить автотранспортом, а это дорого — 35 тысяч рублей за один КамАЗ.

Есть успешные фермы, выращивающие племенной скот. Есть СПК, которые по приезде в горную часть проводят собрания и раздают людям доли прибыли. Есть СПК, которые всё развалили, получили огромные кредиты по 20 миллионов — всё их имущество не стоит этих денег. Когда спрашиваешь, для чего брались кредиты, выясняется, что был форс-мажор, массовый падеж скота и т.д., а кто-то и вовсе не собирался возвращать.

В 2010 году Минимущества проводило межевые работы, и была допущена ошибка: 15 тысяч га муниципальной земли, а это 4 участка с 12 сёлами автоматически стали собственностью Минимущества. Оказывается, тогда какая-то московская фирма выиграла этот тендер, никого не приглашала, ни с кем не советовалась, Росреестр отказыва-

ется даже обсуждать эту проблему. Сейчас все документы в суде, ждём решения.

Сегодня полномочий у муниципалитета очень много, а финансирования почти нет. Вопросы водоснабжения и водоотведения лежат на нас, а это сложно — на 14600 человек 53 села и плюс высокие горы. Реально столько людей здесь и не живёт: многие на заработках, пенсионеры зимой перебираются к детям в города.

Молодёжь уезжает, а те, кто остались, в основном работают в бюджетной сфере. В принципе, вести хозяйство здесь можно, у меня двоюродный брат с женой из города переехали.

Единственная перспектива — сельское хозяйство. Говорят, земли нет, а я вспоминаю времена, когда был колхоз: наша семья четырёх коров держала, и землю обрабатывали; а сейчас земля пустая, а скотину не держат, ленятся, многие в Цурибе покупают сыр и яйца. Нам надо эффективно использовать эту территорию, а у нас ни одного интенсивного сада нет, только старые — советские. Ведь были же в нашем районе колхозы-миллионеры.

...Абдурашид Садулаев в этот день стал чемпионом мира, к радости и гордости всех цурибцев. Чарода или Карах, как называли раньше, — суровый и красивый край, где приходится быть сильными и стойкими. Наверное, неизбежно, что люди уезжают туда, где жить проще. Тысячелетние сёла пустеют и разрушаются.

Только всё равно останутся те, кто любит свою землю, крестьянский труд, чистый воздух и высокие горы прямо за собственным домом.

Фото Руслана Алибекова

ЭТИКА ЭТНОСА

Продолжаем публикацию материалов докторской диссертации ученого и этнографа, профессора Сергея Абдулхаликовича Лугуева «Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана. XIX – нач. XX в.»

В дагестанских обществах бытовало такое наказание особо провинившегося, осуждённого общественным мнением человека, как неприглашение его к коллективным джамаатским работам, иногда и прямое отстранение от них.

От члена общества, участвующего в коллективных работах, требовалось уравновешенное состояние. Проявления, а тем более демонстрация, подавленного состояния, эмоционального дискомфорта, угнетённости, раздражительности и прочих отрицательных настроений здесь считались неприличными.

Вызвала бы, по крайней мере, недоумение окружающих и чрезмерная оживлённость участника коллективной работы, проявление высокого эмоционального настроения.

Нарушением элементарных этических норм считалась и неопрятность в одежде любого из собравшихся. Подтянутость и опрятность были непременными требованиями внешнего вида мужчины и женщины, юноши и девушки при любых собраниях, в том числе и при коллективных работах.

* * *

При этом мужчина, в процессе работы оголившийся по пояс, снявший папаху, обувь, вызвал бы не меньшее недоумение окружающих, чем женщина, работающая без платка, в одном чухту. То и другое мужчины и женщины могли себе позволить только каждый в своём кругу: мужчины — если поблизости нет женщин, и — наоборот.

* * *

Принимая участие в коллективных работах, вышедшие на них неукоснительно придерживались традиционных этических норм. Например, от члена общества требовалась максимальная самоотдача в работе, ожидалось полное приложение как умений, навыков, так и физических сил. Только показаться, только присутствовать, обозна-

читься, особенно не напрягаясь, — считалось недопустимым.

* * *

Участник коллективных общинных работ или оказывающий помощь односельчанину словом, жестом, намёком, не позволял себе стать в позу делающего одолжение, жертвующего своим временем и усилиями. Поведенческий критерий был один: работать как «на себя», как в своём хозяйстве, и даже лучше.

* * *

Совершенно не соответствовало традиционным нормам трудового этикета выпячивание кем-либо своего умения, сноровки, физической силы и тем более — высмеивание чьего-либо неумения, неловкости, физической слабости.

* * *

Пройти мимо работающего человека, особенно группы работающих людей, и не предложить им помощь считалось в высшей мере недопустимым. Это требование усиливалось, если занятый или занятая работой, были людьми преклонного возраста. В такой ситуации этикетного предложения своей помощи было недостаточно — обычай требовал от проходящего, пришедшего хоть ненадолго включиться в трудовой процесс, особенно если работа требовала физических усилий.

* * *

В случаях, если работой, которая требовала большой физической нагрузки, занята была пожилая женщина (например, колкой дров, переноской в своём дворе тяжестей, ремонтом строения и др.), включение в трудовой процесс любого проходящего, подошедшего считалось обязательным. Таким же образом поступал взрослый, совершеннолетний член общества, джамаата по отношению к физически слабому, нездоровому, увечному. При этом от члена общества

ожидалось подобное поведение без «толчка извне», без просьб и напоминаний.

* * *

Жёсткое половозрастное разделение труда в дагестанских обществах исключало для мужчин занятие стряпнёй (например, тиндинское: «КІунтІалуб хъулухъи гъикІили ралааІо» — «Кухонный угол — не место для мужчины»; кумыкское: «оседлавший половник»; лакское уничижительное: «цІурихъулувух ццупІа» — «кухонное ничтожество» и др.), стиркой, хождением за водой, уборкой дома, присмотром за детьми, изготовлением молочных продуктов, зашиванием и латанием одежды.

* * *

В женскую сферу домашних забот и хлопот мужчина старался не вмешиваться, не делать замечаний относительно запаса продуктов, не околачиваться вокруг угла или комнаты, где готовилась пища, не заглядывать в кастрюли, котлы и т.д. «Помочь жене в её работе муж считает делом постыдным, и даже в случае болезни жены он ни за что не станет исполнять её работы, а обратится с просьбой к соседкам распорядиться и позаботиться о его хозяйстве», — пишет Н. Дубровин.

* * *

Уход за домашней скотиной осуществлялся и мужчинами, и женщинами: мужчинами — за конём и быками. Такие виды домашних производств и ремёсел, как все виды металлообработки, шапочное и сапожное дело, обработка кожи, выделка овчины, обработка дерева и камня были чисто мужскими занятиями. Чисто женскими считались все виды обработки шерсти и выделка сукон, войлока, вязаной одежды и др., золотное и серебряное шитьё.

* * *

Участвуя в полевых работах, мужчина пахал и сеял, занимался обмолотом урожая.

Все остальные виды сельскохозяйственных работ выполнялись преимущественно женщинами; мужчины принимали участие в разбрасывании навоза и иногда в уборке урожая (вязали снопы).

* * *

В жёстком регламенте разделения труда были и регионально-этнические особенности. Так, например, для горянки переноска тяжестей на спине (на плечах) — исключительно женское занятие, а у кумыков переноской тяжестей занимались только мужчины. У них же, у кумыков (преимущественно у северных), подавляющее большинство полевых работ выполнялось мужчинами.

* * *

Производство керамики в сел. Балхар (лакское селение на территории даргинцев) традиционно было женским промыслом: мужчины брали на себя обязанности только по реализации готовой продукции. «Ни один мужчина, по обычаю, не имел права принимать участие в производстве (гончарных изделий. — С.Л.), — пишет по этому поводу Е.М. Шиллинг. — Даже случайное нарушение этого запрета считалось стыдом, а в некоторых случаях провинившийся штрафовался угодением за

свой счёт шестерых членов из этого дома, где он поступил вопреки адату». Но в Южном Дагестане, а также в Кайтаге, напротив, это был преимущественно мужской промысел.

* * *

Традиция предписывала особое соблюдение этических рамок и этических отношений в торговле. Так, например, мужчина-дагестанец не занимался торговлей непосредственно на базаре молоком и другими молочными продуктами — за исключением сыра и топленого масла. Осуждало общественное мнение и занятие мужчины торговлей предметами женского туалета, за исключением обуви, а также съедобными и лекарственными травами, красками, красителями, иглами, напёрстками, нитками, пряжей.

* * *

Для горцев Центрального Дагестана считалось предосудительным торговать на базаре садовыми и лесными плодами и ягодами; такой торговлей у кумыков, напротив, занимались преимущественно мужчины, у народов Южного Дагестана — и мужчины, и женщины.

* * *

Недоумение вызвала бы женщина-дагестанка, торгующая сёдлами и конской сбруёй, инструментами для металлообработки, а также соответствующим материалом (железом, полосами стали, листами жёлтой или красной меди и др.), холодным или огнестрельным оружием и т.д.

* * *

В XIX в. взаимопомощь носила не только кровнородственный, но и ярко выраженный соседско-джамаатский характер.

* * *

Соседская и родственная взаимопомощь (гъвай, марша, билка, мел, букъа) добровольно и безвозмездно оказывалась в земледелии, садоводстве, животноводстве, в ремесленном производстве, при строительных работах, при организации семейных праздников и торжеств, исполнении похоронно-поминальных обрядов; проявлялась в поддержке сирот, вдов, калек и остро нуждающихся, а также пострадавших от стихийных бедствий, падежа скота, бескормицы, пожаров и т. д.

* * *

Обычно нуждающийся в помощи заходил к односельчанам, соседям, родственникам и в беседе, вскользь, как бы между прочим, давал понять, что предстоящие работы требуют дополнительных рабочих рук. Этого было достаточно, чтобы на следующий день кто-либо из этой семьи вышел на помощь нуждающемуся.

* * *

Если собравшиеся работали целый день, в полдень хозяин угощал их лёгкой закуской (хлеб с сыром, с кусками мяса, лепёшки, кислое молоко и проч. — в зависимости от достатка хозяина), а вечером кормил работавших горячей едой с мясом.

* * *

Если хозяин был несостоятельным, односельчане и родственники, зная о его возможностях, сами приносили с собой еду — у кого что было, которой коллективно угощались днём, во время перерыва, а вечером каждый ужинал у себя дома.

* * *

Чаще всего такая форма коллективной трапезы происходила при оказании помощи вдове, сироте (сиротам), хозяину, понесшему значительный ущерб (например, незадолго до этого пострадавшего от пожара) и т.п. Ничего унижительного во всём этом для хозяина с точки зрения традиционных этических норм не было.

* * *

Формы оказания помощи могли быть самыми различными. У сюргинских даргинцев, например, родственники хозяина, вынужденного зарезать корову (поломавшую ногу, побившуюся, сорвавшись с кручи, пострадавшую от камнепада и др.), покупали у него мясо, даже если нужды в этом не было.

* * *

Как и у всякого другого народа, группы этносов, у дагестанцев были праздничные дни. Этикетные ситуации, культура поведения, связанные с ними, составляли особую группу. От прочих этических традиций они отличались не только спецификой содержательной части, но и отказом от тех или иных форм повседневной культуры общения, этикета, порой — усилением акцента на отдельных сюжетах, на нормах общения второстепенных, не основополагающих.

* * *

Отмечались с той или иной торжественностью праздники семейные: свадьба,

рождение сына, ребёнка, наречение, обрезание; перехода в новый дом; по случаю существенного приобретения, покупки — участка земли, сада, коровы, коня и др.; по поводу возвращения члена семьи после долгой разлуки и др.; праздники календарные: встречи весны, лета, зимы, проводов зимы; посезонно-производственные: начала выноса удобрений на поля, начала полива, первой прополки, начала и окончания жатвы, сенокоса, сбора фруктов и винограда, начала обмолота, праздник первой муки; животноводческие праздники: отгона и пригона скота, начала доения овец, начала сыроварения (овечьего), пуска барана к овцематкам, начала окотной кампании, кампании по стрижке овец и др.; праздники цветов, черешни, обряды вызывания дождя, прекращения дождя и вызывания солнца, обряд опахивания и др.; увеселительные собрания: мужские, женские, девичьи, совместные собрания юношей и девушек, праздник песен, выходы молодёжи за сбором цветов, трав, за цветной глиной и др.; религиозные праздники: окончания религиозного поста, убоя жертвенных животных в память умерших родственников и предков, день рождения Пророка и др.

Пленэр

Влада Бесараб

МНОГО СОЛНЦА

Огромные, горячие абрикосы, треугольные зубцы скал, которые не перепутаешь ни с какими другими, закаты и рассветы невероятной красоты и люди невероятной доброты — такие впечатления увезли из села Могох художник Инесса Гимбатова (Цгоева) и студенты ХГФ ДГПУ, которым повезло побывать здесь на пленэрной практике прошлым летом.

Будущие художники и их руководитель провели в селе две недели. Все расположились в гостеприимном доме Юсупа и Айзанат Магомедовых. Они приходятся родственниками декану ХГФ, заслуженному художнику Дагестана Хабибурахману Омарову, и, зная, как

нелегко организовать выезд на практику, пригласили ребят к себе. Когда количество студентов перевалило за 30 (впечатлённые восторженными отзывами однокурсников приехали те, кто поначалу собирался плэнэрить в других местах), стало слишком тесно, и часть группы на несколько дней перебралась в дом не менее радушных Имангазали и Патимат Гитинмагомедовых. Инессе Гимбатовой пришлось проявить чудеса дипломатии, дабы не обидеть семью Магомедовых (которые переживали, что гостям у них не понравилось) и других жителей аула, готовых предоставить художникам свои дома.

— Каждый считал своим долгом нас чем-нибудь угостить, — рассказывает Инесса. — Доходило до смешного. «У вас есть сыр?» — спрашиваем мы соседку, которая

держит коров. «Конечно, есть!» – отвечает она. «Сколько стоит? Мы хотим купить». – «Нет, не продаётся! Так берите!». И не поймёшь, то ли люди здесь такие, потому что земля щедрая, то ли наоборот.

Могох расположен на небольшом пологом плато на одном из разветвлений Гимринского хребта. У села богатая история: судя по археологическим находкам, люди поселились здесь более двух тысяч лет назад. В здешних краях хорошие природно-климатические условия для садоводства, но вот земли, как везде в горах, недостаточно, поэтому горцы были вынуждены построить искусственные террасы, на которых и разместились знаменитые на весь Дагестан могохские сады.

В ауле ещё сохранилась традиционная горская архитектура: узкие улицы, часто перекрытые сверху; дома, карабкающиеся по склону друг на друга — всё то, что так интересует художников и туристов, но не способствует комфортной жизни сельчан. Новые дома не столь «живописны», но зато намного просторнее и удобнее, в чём многочисленная художественная «коммуна» убедилась на себе. И надо отдать должное не только гостеприимству, но и бесконечному терпению хозяев, которые за всё время «оккупации» их дома художниками ни

словом, ни жестом не выказали им какого-либо недовольства. Наверное, именно такое терпение было у их предков, в хурджилах носивших плодородную землю из долин в эти горы, обустроивавших для садов систему орошения, которая работает до сих пор.

Июль — горячая пора для жителей Могоха, ведь именно в это время созревают абрикосы, которыми так славится Гергебильский район. Надо собирать и вывозить на продажу урожай, заготавливать сок и сушить курагу на зиму, да и других хлопот по хозяйству в селе немало. Но могохцы находили время, чтобы общаться с художниками и позировать им. Правда, сеансы были недолгими — не привыкли сельчане часами сидеть без дела, поэтому студентам пришлось довольствоваться быстрыми зарисовками.

— *Наша хозяйка Айзанат — директор местной школы. Детей в ауле много, школа не пустует, хотя классы небольшие, — говорит Инесса Гимбатова. — Чтобы отблагодарить Айзанат и всех жителей села за радушие и тёплый приём, мы со студентами решили расписать кабинеты начальных классов. Слух о том, что художники зарисовывают стены в школе, тут же облетел село. Детвора буквально сыпалась внутрь через окошки, — смеётся художница, — а когда некоторым доверили раскрасить какие-нибудь цветочки, их счастьем не было предела!*

Хотя у самой Инессы было немало хлопот, как у руководителя практики, она успела поработать и как художник. Гимбатова — замечательный живописец, но в полевых условиях, на пленэре, писать маслом не очень удобно — только принесёшь тяжелый этюдник, расставишь его, разложишь краски, то ветер грозит всё опрокинуть, то пыль и мошкара норовят к холсту прилипнуть. Поэтому Инесса работала в основном пастелью. Она вообще часто использует её (чуть ли не единственная из современных дагестанских художников), хотя подчеркивает, что не относится к ней серьёзно:

— *Технически — это выход для меня, особенно во время пленэра. Это что-то среднее между живописью и графикой. На полноценную живопись порой недостаточно времени, сил и возможностей. А в графике мне не хватает цвета, и я не очень сильна в рисунке, не владею линией в должной мере — всегда пытаюсь выехать за счёт пятна. Работая пастелью, я обычно протираю тени, а там, где свет,*

оставляю мелок, его фактуру — так возникает некий эффект трёхмерности.

Искусство Гимбатовой всегда яркое, ясное, жизнеутверждающее. Наверное, потому, что она сама такая — светлая и тёплая, располагающая к себе всех после десяти минут знакомства. Её обожают студенты, ценят и любят коллеги. А ещё она совершенно не умеет слушать комплименты

пишет красным или берёт холст большого размера, или бумагу чёрного цвета. На глухом чёрном пастель выглядит ещё более фактурно, живо.

Преодолеть свой внутренний страх и писать ярко. Набраться смелости, чтобы перестать считать себя ученицей, повести за собой собственных учеников и при этом вступить в Союз художников позже некоторых из них. Чем больше я узнаю Инессу, чем дольше наблюдаю за ней в разных ситуациях, тем больше восхищаюсь её умением быть благодарной. Своим учителям, например:

— *Иса Алиевич Хумаев, мой педагог в художественном училище, многое дал мне в плане восприятия окружающего мира, тонкого отношения к нему. Вот он стоит, смотрит в окно во время занятия, ну что там за окном — махачкалинский двор, а потом поворачивается и показывает рисунок: веточка, на ней птичка — так просто и так красиво.*

Конечно, Абдулзагир Боззитович Мусаев научил меня многому в профессии, если не сказать — всему. Технику дал, а главное... (задумывается), наверное, в том, что научил основательному подходу. Когда нужно не просто почувствовать, а погрузиться в материал, в процесс.

... Своим ученикам, друзьям, своим родителям и детям. Она благодарна самой жизни, и действительно живёт по принципу «дождь ли снег — любое время года — надо благодарно принимать». Редчайший дар.

своим работам — очень смущается и даже пытается оправдываться. И утверждает, что боится цвета. Хотя, глядя на её произведения (будь то живопись или пастель), ты сначала влюбляешься в цвет, «вкусные» цветовые сочетания, а уже потом замечаешь точно выверенную гармоническую композицию, глубину пространства и другие достоинства. Спрашиваю: как же так получается, в чём же «страх цвета», если даже самый внимательный зритель в итоге не замечает его; отвечает: «Боюсь, но делаю». И чем больше боится — тем смелее делает. Например,

Влада Бесараб

НА ПОРОГЕ

Год назад мы писали о выставке учебных работ студентов художественно-графического факультета ДГПУ «Просмотр», которая состоялась в Театре поэзии. Широкому зрителю тогда представилась возможность заглянуть в мастерские будущих живописцев, графиков и скульпторов; понять, на чём же строится практическая часть учебного процесса; увидеть, с чего много лет назад начинали художники, которые сегодня являются признанными мастерами. Среди последних была и Наталья Савельева — художник-живописец, участница ряда всероссийских и международных выставок, автор трёх персональных проектов, преподаватель спецдисциплин Дагестанского художественного училища им. Джемала (ДХУ). И сегодня, спустя ровно год, в выставочном зале Театра поэзии новый «Просмотр». Только на этот раз в экспозиции, обозначенной как «Предисловие», представлены в основном не учебные, а дипломные работы, с которыми в 2011, 2015 и 2018 годах выходили на защиту студенты отделения живописи ДХУ, чьим мастером была Савельева.

Защита дипломных проектов — экзамен на профпригодность не только студентов, но и их руководителя. И ещё неизвестно, кому страшнее получить неуд. За 15 лет преподавательской работы у Натальи Константиновны было три выпуска. Точнее, три успешных выпуска. И если первый (в 2011 году) состоял из трёх авторов, то прош-

лым летом на защиту вышли аж 12 человек, двоим из которых члены государственной аттестационной комиссии единогласно поставили «отлично с похвалой» (есть такая оценка для выпускников творческих специальностей).

Конечно, всем выпускникам повезло с педагогом, с мастером. Но и Наталье Савельевой повезло с ними. Хотя бы потому, что они действительно хотели учиться, были способны воспринимать то, что им [препо]давалось на протяжении четырёх лет, проведённых в стенах мастерской живописи.

«Дипломка» на отделении живописи — это большая тематическая картина или живописная серия. С одной стороны,

работа должна демонстрировать, насколько хорошо студент за годы учёбы освоил программу — владеет техникой рисунка, живописи, композиции, умеет решать поставленные идейно-художественные задачи. То есть «Чёрный квадрат» в качестве диплома представить нельзя, ибо ни форма, ни содержание полотна такого рода не будут соответствовать учебной программе. А с другой стороны, именно при выполнении диплома «без пяти минут художника», начиная от выбора темы и заканчивая способом наложения мазков, могут проявить самостоятельность, рассказать миру о том, что их больше всего волнует. И тут очень многое зависит не столько от техники, точности глаза и твёрдости руки, сколько от умения наблюдать и созерцать, замечать и улавливать, формулировать и выражать. Какие книги читал студент, какую музыку слушал, какие сказки шептала ему бабушка, репродукция какого художника попала на глаза в библиотеке, — всё важно, всё нужно, всё идет в дело. И превращается в художественное высказывание.

И оказывается, что их, вчерашних студентов, представителей пресловутого поколения гаджетов, которые, кажется, родились с проводами в ушах и планшетом в руках, волнуют вовсе не шмотки и развлечения. Что они знают немало, понимают хорошо, а чувствуют тонко.

Они любят искусство в себе, думают и рассуждают о высоком и о вечном. В первую очередь, о любви — к родине, природе, жизни: «Август», «Праздник первой борозды», «Весна в горах», «Маджалисский лес», «Август. Хлеба», «Изобилие», «Баракат» (см обложку). О времени и об

искусстве (читай — о вечности искусства): «Миф о Медузе Горгоне», «Шёлковый путь у стен Дербента», «Загадки древнего Дербента», «Жертвоприношение», «Тысяча и одна ночь» (хотя эта графическая серия и о любви тоже, конечно). О преемственности поколений и предназначении женщины: «Старое зеркало», «Бабушка Маригет», «Дверь в «девичью» баню».

Да простят меня молодые художники и их руководитель, но из всех проектов лично мне ближе всего вышеуказанный натюрморт с Дверью (автор — Патимат Сахаватова). В нём всё, как я люблю, — символы, знаки, таинственная связь времён, природные стихии и творенья рук человеческих. Всё перемешано и в то же время в строгом порядке (идеально выверенная композиция!), и эмоции накрывают, и мысли роятся — а ведь по сути это просто натюрморт. И что же может, а главное, что должен сделать ещё художник на протяжении своей творче-

ской жизни, если в самом начале пути ему удалось сотворить такое?

Название выставочного проекта — «Предисловие» — очень точно отражает его суть. Скажут или нет своё слово в искусстве эти ребята, будет ли это многотомный «роман» или серия коротких рассказов, или философская притча, или феерический шоу-спектакль, станет ясно только со временем. Всем им дан одинаковый старт, для всех написано общее «Предисловие», за которым — чистые страницы.

Владимир Севриновский

ЦАХУРСКАЯ СВАДЬБА

Пожалуй, цахуры живут дальше от столиц, чем любой народ Северного Кавказа. Но и медвежьим углом их родину не назовёшь. Сотни лет жители цахурских селений обитали на пересечении важных дорог. Здесь жили видные алимь, сюда заезжали купцы и путешественники — к примеру, знаменитый Эвлия Челеби, который в XVII веке отмечал: «В этой области Дагестана живут такие улемы и набожные люди, каких нет нигде в других местах. В этой стране совсем нет лжи, сплетен, зла, злоумышленности, ненависти, спеси, вражды и неприязни». Увы, торговые пути, связывавшие цахурцев с соседним Азербайджаном, теперь перерезаны границей, а дорога в центр Дагестана порой становится непроходимой даже от короткого дождя. И всё же долгое путешествие с лихвой окупается живописностью и необычными традициями этого региона.

Кажется, что добираться сюда бесконечно — сперва едешь до Дербента, затем — сквозь земли лезгин и ругульцев. Маршрутка отправляется из Махачкалы ночью, приезжает только к обеду, так что путешественник успевает проголодаться. Это весьма кстати — кормят здесь отлично, а на свадьбах ещё и поят от души. Впрочем, для этого надо преодолеть не только горный серпантин, но и лабиринт узких улочек Цахура. Селение плотно облепляет гору, а потому придётся миновать множество развилок и поворотов, нередко несущих сюрпризы. Сельчане то ведут осликов, то прямо на обочине режут козла, то стреляют, то танцуют... Лишь почти у самой вершины открывается просторный дом со столами, где хинкал мирно уживается с салатом Оливье, а мусульманские молитвы — с тостами, которым бы позавидовали и грузины.

На площадке внизу разминаются барабанщики. Зурначи смачивают инструменты водой — сегодня им придётся основательно потрудиться. Последний тост — и пёстрый кортеж автомобилей едет по узкой горной

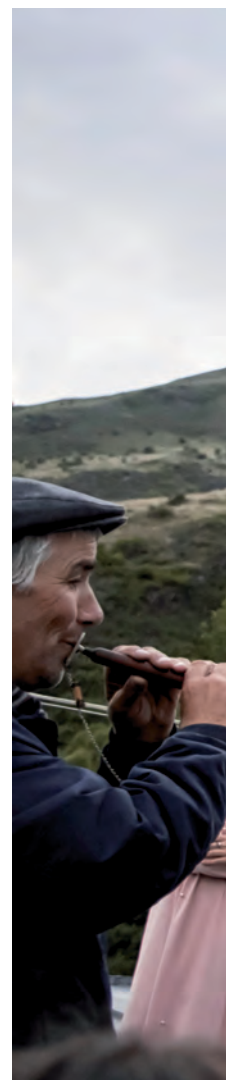
дороге в соседнее село за невестой. Финальную сотню метров гости идут пешком. Над головами торжественно вздымается коричневый чемодан — в него будут собирать денежные подарки. Даже на самой скромной свадьбе веселится сотня-другая гостей, а потому затраты молодым хорошо бы вернуть, чтобы не начинать семейную жизнь с долгов.

Представители жениха долго торгуются с девушками у входа в комнату невесты. Наконец, сговорились о выкупе, жених высыпал на гостей с крыши мешок конфет, все сели в машины... И тут ловушка захлопывается — выезд блокирует стайка держащихся за руки детей. Их предводитель еле достаёт до окна машины с невестой, но торгуется столь яростно, что автомобиль то ли в шутку, то ли всерьёз подаёт вперёд, пытаясь прорвать «блокаду». И всё же дети отходят в сторону только после отступного. А дальше, у моста, уже выстроилась новая цепочка...

Но вот препятствия позади, кортеж вернулся в селение. Барабанщики взмахивают изогнутыми палочками, знаменуя начало главного веселья. Дети тащат вышитый розами платок с подарками, изрядно потяжелевший чемоданчик занял место рядом с большим блюдом, на котором разноцветные конфеты венчает здоровенная сушёная колбаса, золотистая от обилия жира. Гости по очереди подходят к жениху, облачённому в меховую шапку, поздравляют, вручают деньги. Если у соседних агулов купюрами обычно осыпают невесту, здесь тысячную запросто могут налепить прямо на лоб новобрачному.

Рядом уже начались танцы. Бабушки наблюдают за молодёжью с площадки наверху, матери стоят под небольшим балкончиком. Кажется, они подпирают его точно кариатиды. Вездесущий жених тем временем взобрался повыше и палит из ружья. Гремят выстрелы, грохочут барабаны, надрывается зурна. Завтра сельчане вернутся к тяжёлой работе, но сегодня до глубокой ночи будет шуметь праздник, будут сдвигаться бокалы и не смолкать добрые пожелания молодым.

Фото автора

Дамир Саидгазин

ПРАВИЛА ЖИЗНИ РЕНЬ ЭФЕНДИЕВОЙ

«Когда я заканчиваю новое сочинение и думаю, кто его исполнит, то в первую очередь думаю о Вас». Так больше полувека назад писал композитор Готфрид Гасанов одарённой пианистке Рене Эфендиевой. Ей суждено было стать худруком Даггосфилармонии, директором музыкального училища им. Гасанова, вести авторскую передачу на дагестанском телевидении, ездить по всей республике, рассказывая о классической музыке, облететь с концертами всю страну от Кавказа до Арктики, играть на одной сцене со С. Рихтером и М. Ростроповичем, впервые исполнять балет «Горянка» М. Кажлаева вместе с автором в Мариинском театре. А потом переехать в Москву и многие годы преподавать в Институте музыки им. А.Г. Шнитке.

В октябре Рена Зияудиновна всего на несколько дней приезжала в Махачкалу. Её пригласили в родное музыкальное училище, где 2018-й год провели под знаком её 80-летия.

Детали прошлой жизни

Родилась я в семье лезгина и донской казачки. Во время Великой Отечественной войны мы несколько месяцев провели в отцовском селе Цмур Касумкентского района. Как сейчас помню: бабушка говорила только по-русски, а весь аул — по-лезгински, и, кстати, очень хорошо друг друга понимали. Мы ходили в лес, собирали ежевику, как-то кормились. А каждое утро под дверью нашей комнаты стояла бутылка с молоком. Мы так и не узнали, кто помог нам, спас от голода. «Вот что такое подлинная доброта», — говорила нам бабушка. 35 лет я прожила в Москве, объездила всю страну, везде много хороших людей, но людей душевней, чем в Дагестане, я не встречала.

В Махачкале моего детства музыкальное училище вместе с музыкальной школой находилось в сторожке при маленькой недействующей церквушке — на том месте, где сейчас Дом правительства. Директором обоих учебных заведений был Иван Григорьевич Савченко. На выпускной экзамен пианистов в школе приглашали Готфрида Гасанова. Он слушал и говорил — этой надо учиться, а этой нет. Так мы стали студентами музыкального училища. Никаких вступительных экзаменов.

Когда в 1926 году Гасанов открывал училище, он, безусловно, всё делал на самом высоком уровне, но административная сторона дела его мало интересовала. Так был занят композиторской деятельностью, что боялся, что не сможет в полной мере соответствовать работе администратора. И предложил пригласить женщину-горянку Зою Магомедову. Тому, каким училище является с 1954 года, мы благодарны именно ей — появились настоящие вступительные экзамены, сессии, как положено во всех учебных заведениях.

У нас были прекрасные педагоги — Зоя Магомедова, Евгения Троицкая, её муж Владислав Селевко, он преподавал духовые инструменты. У него была сложная судьба: воевал, был в плену, бежал, была перебита нога, ходил на протезе. Учился в Саратовской консерватории, вместе с женой при-

ехал в Дагестан. Он прекрасно преподавал все духовые инструменты: медные — труба, валторна, тромбон, и деревянные — кларнет, гобой, фагот, флейта. Я помню, на подсвете я предложила представить его к званию заслуженного учителя Дагестана. А он сказал, что ему всё равно не дадут. Тогда я сама отнесла документы во все инстанции. В итоге он его получил. Когда он увидел плакат с поздравлением, плакал. А потом я узнала, почему он был уверен, что ему не дадут, — он был под надзором как бывший пленный. Я этого не знала, но всё равно бы это сделала, потому что он того заслуживал.

К нам приезжали такие исполнители, о которых сейчас можно только мечтать, — Рихтер, Ростропович. В исполнительском

мире были негласные сведения, что все именитые исполнители просят за выступление «левые» деньги, а Кобзон и Пьеха не берут. Кобзон действительно был порядочным человеком. Мы учились вместе, жили в одном общежитии. Помню, что никогда раньше 12 часов ночи он не приходил — безумно много работал. Он сам себя сделал. Утром просыпаемся, слышу, он перед умывальником распевается: «Ээ-фее-нди-ее-ва-а» — гласных, видите ли, в моей фамилии много. «Чтобы я этого больше не слышала», — говорю.

О дагестанской музыке

У Наби Дагирова очень интересная фортепианная музыка: «Дагестанская фантазия Харс», «Элегия», «Токатта» — эти пьесы я играла первой и думала, что их и дальше будут исполнять. Жаль, что эта музыка сейчас не звучит. Помню, в Саратовской консерватории было выступление — в первом отделении дагестанская музыка, во втором — общая классическая. «Харс» Дагирова всем очень понравился. Обратили внимание, что и технически вещь сделана на уровне (чуть ли не «Исламей» Балакирева), и музыка хорошая. Вообще к дагестанским композиторам никогда не было такого отношения, будто они сидят на задворках и пишут что-то местечковое. Когда в Москве проходили пленумы, в зале собиралась очень большая публика, знающая, и всегда выступления проходили на ура. Даже негласно считалось, что с Северного Кавказа только Дагестан звучит по настоящему.

Знаете, как появились обработки народных песен? Вот приходит юноша из аула на вступительные экзамены. Готфрид Алиевич даёт на рояле ноту и говорит: «Спой ту же самую». Не может. Если взять её же на агач-кумузе — повторит, на скрипке — пожалуйста, с голоса — тем более. С рояля — нет. Ему тембр рояля абсолютно чужд: никогда ни в одном ауле он фортепианного звучания не слышал. И вот, чтобы ребята поняли рояль, нужно было приблизить к ним ту музыку, которая им знакома. Так появились «100 дагестанских народных

песен», по 10 мелодий на каждую национальность. Гасанов обработал их для фортепиано так, чтобы ребята, когда учатся, сами могли сыграть. Слышат знакомую мелодию, и фортепиано становится ближе, доступнее. Вроде просто, но никто до Гасанова этого не делал.

Правила жизни

Я иду по улице, мне 15 лет, а Готфрид Алиевич идёт навстречу по другой стороне. Никогда я не могла поздороваться первой. Он поднимал шляпу: «Здравствуйте, Рена». Всегда на «вы», — так, что я уже сама себя начинала уважать. А во-вторых, я женщина, он мужчина. Этим отношением он показывал, что такое культура. На его примере, невольно, мы сами понимали — вот так надо жить, а не так, как я только что поступила.

В этом смысле и Гасанов, и родители нас многому учили. Будучи уже директором училища, собираюсь как-то утром на работу. Надеваю тоненькую золотую цепочку с маленьким украшением, как десятикопечная монета. И тут папа удивляется, что я золото надела.

— Ну, папа, у нас там все в бриллиантах ходят.

— Все могут ходить как угодно, а ты не можешь ходить в золоте на работу, потому что ты директор. Придёт к тебе, например, женщина-горянка из района, у неё четверо детей, зайдёт к тебе в кабинет со своей бедой. Увидит тебя в золоте, подумает: «Эта женщина меня не поймёт», — повернётся и уйдёт, так и не сказав, зачем пришла.

Я не подумала, что такое может быть, но послушала отца, сняла украшение, пришла на работу. Именно в этот день пришла женщина-горянка. Папа как в воду смотрел: оказалось, у неё четверо детей. У неё мальчик учился на первом курсе музыкального училища, и его исключили, потому что не сдал английский язык. Я думаю: «Да он же по-русски с трудом говорит, какой английский». Успокоила её, мол, непрофильный предмет. Он ещё подтянется, учительница английского языка с ним позанимается. На следующее утро прихожу на работу —

этот парень стоит возле кабинета с крошечным букетиком горных цветов: «Мама сказала, чтобы я вам их отдал». Папа во многих ситуациях был прав. А этот случай помню всю жизнь.

Я помню, меня папа похвалил, когда надо было поругать. Мне до сих пор стыдно. Это было в пятом классе. Он пришёл с приятелем на обед, мама в командировке, папа принёс пучок зелени. Помой, говорит, и положи на стол. Мы жили на Дахадаева, во дворе внизу был кран. А у нас на дне ведра вода была уже с осадком, песком. Чтобы не спускаться вниз с ведром, не тащить воду, я прямо в нём поболтала зелень и положила на стол. Когда попробовали, конечно, заметили песок на зелени. Папа, объясняя, сказал: «Это моя дочка помыла,

подала на стол, умница», — объяснил папа своему товарищу, почему зелень такая. Я потом попробовала эту зелень и ужаснулась. Мне уже 80 лет и до сих пор стыдно. Очень действенный воспитательный приём.

«Играй на подоконнике»

У каждого ученика руки разные, надо к каждому найти свой подход. Для хроматической гаммы руки должны стать маленькими, чтобы пальчики как мышки пробежались по клавишам, или на пуантах балерина проскакала по сцене.

Есть четыре способа заниматься музыкой.

Первый — с нотами и с инструментом.

Потом, когда уже выучил текст, можно наизусть, без нот.

Если инструмента нет под рукой — занимайтесь с нотами, без инструмента. «Подоконник ведь у тебя есть, ноты поставь и играй на нём», — говорю я ученику.

И, наконец, последний способ самый трудный — без нот и инструмента. Едешь в автобусе и играй для себя, мысленно. Где застрянет память, значит, это и есть «сырое» место, надо потом отдельно поучить.

У меня была ученица в Петропавловске-Камчатском, заканчивала фортепианное отделение. Как-то пришла ко мне и спросила: «Куда поступать?». «Ты умная, — говорю, — но руки совершенно не пианистические, даже октаву не берут, сухие, неподатливые. И потом, ты человек малоэмоциональный, больше от ума. Мне всё время приходится тебя злить, чтобы ты что-то сделала. А изнутри это не идёт. И мне кажется, поступать нужно на факультет около искусства — эстетика, философия». Она недавно нашла меня в Москве, специально приехала с дочкой сказать спасибо: она кандидат наук, преподаёт эстетику в Институте искусств во Владивостоке.

Говорить с разной публикой

Я могу говорить с разной публикой. Какова аудитория — так и складывается разговор. Когда папа приходил на обед с гостем, мама сокрушалась, что без предупреждения: «У нас даже на стол нечего поставить, не картошкой же угощать». «Не важно, что на столе, — отвечал папа, — важно какое выражение лица у хозяйки».

С музыкальным лекториумом я ездила по всем школам. Предположим, приходишь к школьникам, а они в жизни никогда на концерты классической музыки не ходили. Я говорю: вот я вам сейчас сыграю произведение, а название не скажу. А вы представьте, что вы сочинили эту музыку. Как бы вы её назвали? Сажусь, играю «Революционный этюд» Шопена. Потом спрашиваю:

— Назвали бы «Колыбельная?»

— Не-е-т.

— А «Тихая река»?

— Не-е-т. «Бурная река».

И оказывается, что они прекрасно понимают классическую музыку! Ведь поняли же, что музыка бурная. И сразу оживляются, когда их похвалишь.

О залах пустых и полных

Интерес к музыкальному образованию упал. Не только в Дагестане, повсеместно. Когда я была директором, конкурс в музыкальном училище мог доходить до четырёх человек на место. А сегодня во многих учебных заведениях дополнительные наборы, чтобы выполнить план приёма.

Когда распался Союз и начались рыночные отношения, все заинтересовались торговлей, юридическими делами. «Какая у девочки будет профессия — преподаватель в школе? Работать за копейки?!» — такой вот утилитарный подход сегодня у родителей. Ну а если ребёнку важно заниматься музыкой, и о деньгах он не думает — вот такие девочки, мальчики нам нужны! Всё равно они потом найдут возможность ещё как-то заработать. Я сама всегда в двух-трёх местах работала. И не из-за денег, просто нравилось.

Сейчас на первом плане социальные вопросы. Люди сто раз подумают, куда потратить свои пять рублей. В стране большое количество бедных людей, и с этим нужно считаться. Как бы вы не агитировали ходить в филармонию, люди улыбнутся и

пройдут мимо. Должно вернуться время, когда люди с удовольствием ходили на концерты. Когда мы проводим студенческие выступления, я говорю ученикам: «Каждый из вас должен привести трёх слушателей, чтобы вы не уходили со сцены под стук своих каблуков. Вы должны заниматься публикой. У вас есть друзья, им должно быть интересно ваше развитие, иначе какие они друзья!». У нас на классных концертах в зале Института музыки имени Шнитке всегда был полный зал.

И язык меняется. Время порождает новые выражения, манеру разговора. Так же и в музыке. Конечно, мы используем академические гармонии, приёмы XVIII–XIX вв., но музыка не могла не отразить насыщенности XX века. Прокофьев и Шостакович — ярчайшие представители нового языка. У них появляются последователи. Иногда, конечно, бывают переборы, желание чем-то поразить. Андрей Петров, представляя молодых композиторов Ленинграда, откровенно сказал: «Вам может показаться, что здесь больше поисков, чем находок, но без поисков находок не бывает».

О ГОРОДЕ И МИРЕ

Прекрасная и бессмертная наша жизнь

Ксения Агалли

ЛЬВОВ

Тут нельзя в лоб — ни говорить, ни писать. Львов не любит, когда в лоб, это не по-львовски — слишком торопливо, слишком прямолинейно для этого города, где презирают Эвклидову геометрию, где параллельные пересекаются и лента Мебиуса дело обычное. Можно только на цыпочках, только запинаясь, задыхаясь и перебивая самого себя, опасаясь найти вдруг вер-

ное слово, отменяющее и все уже сказанные, и бесконечное кружение возле, вокруг смысла, которое только и есть подлинный, настоящий разговор, а всё остальное — профанация, ведь неназываемое — не назвать...

Так вот, те, которые жили во Львове до меня, которые там родились и выросли, — они уже от города этого вроде бы немного

устаи. Они видели упадок, угасание и уплощение смыслов. Все эти переулки, брукивки, латунные ручки и кнопки звонков, польские слова, проступающие на стенах домов из-под побелки, как кровавое неотмываемое пятно; все особнячки, в которых хочется прожить последние свои годы и тихо угаснуть в кресле с раскрытым томом, к примеру, Монтеня; позвякивающие трамваи, запах кофе и копчёностей, торты с цукатами, которые словно гастрономическая проекция того же Львова; звучащее дивно «панижелает кавы?», опять кофе и коричневая с бежевым ажурная пена, стекающая по боку джезвы прямо на раскалённый песок; искажённая перспектива, прекрасная скособоченность зданий и мелкие подробности их устройства, вроде внутренних двориков, чёрных лестниц, глухой стены с единственным маленьким окошком на уровне 4-го этажа, Высокий замок над городом — им вроде бы немного поднадоели.

И они с радостью отдали мне его, как капризные барчуки отдают кухаркиному сыну прежде любимую, но потрёпанную игрушку. Исцарапанную, облезлую лошадку на колесиках. Когда-то нарядную и весёлую, а сейчас поблекшую и жалкую.

Но это для них — поблекшая, а для меня — волшебство, чудо, восторг. Я, девочка из пыльной и одномерной провинциальной Махачкалы, тогда не знала, что со Львовом нужно осторожно, что с него и с Артурушки Волошина начнётся тот страшный отсчёт, про который Игорь Клех написал: «Начали наконец умирать мы сами». Ничего ещё я не знала. Ни про Лычакив, который расположится у меня в сердце и памяти, прирастая год от года. Ни про то, что вдали от Львова буду ещё много лет жить тем, что он мне дал, дышать его отравленным воздухом, что успела набрать в лёгкие, пить его горькую воду, а шпильки его костёлов будут протыкать насквозь все новые города, куда я попаду. Просто всплескивала руками и ахала. Даже говорить не могла, не было тогда у меня подходящих слов.

Но в первую же ночь меня вытащили погулять. Тут-то всё и случилось, тут меня и накрыло. В Бернардинах, кажется. За крепостными стенами, подле монастыря, около колодца, который тогда ещё был прикрыт решётками, чтоб

никто не упал, не потерялся в этой черноте и глубине. Только я не убереглась. Над ним склонилась, взглянула вниз и пропала навсегда. Что-то мне отразилось внизу, да так отразилось, что я подняла голову и сразу поняла, что стала другой, что до сих пор была пустой перчаткой, а тут город вошёл в меня, как ловкая сильная рука. И я пришлась ему по размеру.

Это было такое странное ощущение, такое странное и небывалое, что я даже рассказать о нём толком не могу. Могу только говорить, что все закоулки, все башенки, чердаки и подвалы, всё, что я находила потом в этом городе, — были знакомы, будто один раз уже виденные.

И треснутое окошко на втором этаже подъезда старого дома, через которое был виден внутренний дворик Музей-Аптеки с галереями и прелестной какой-то скульптурой.

И странная круговая квартира Жоры Чёрного, где можно было жить неделю и ни разу не встретить людей, которые жили там в одно время с тобой.

И комнатка под крышей, комнатка-квартирка на 4-м этаже трёхэтажного дома, где помещался целый мир, совсем другой мир, и хозяйкой его была девушка с «морским именем и мраморными глазами».

И за ночь вырастающие из домов балкончики и прочие финтифлюшки, которых ещё вчера не было, точно не было, ты же смотрел, а тут — проявились.

И лёгкая поступь Захер фон Мазоха, который вроде бы только что прошёл по этому вот переулку, но ты не видишь его и не можешь догнать.

И тень былого величия, принадлежности к Австро-Венгерской империи, причастность к её силе и великолепию, до сих пор не дающая покоя львовянам.

Ну а через год я уже жила в этом городе. И по ночам упрямо бродила по улицам, где мне открывалось разное, — такое, во что и поверить нельзя. Мой тогдашний муж поначалу дико возмущался, говорил, что одной опасно, и просился со мной. Но я никак не могла его взять, никак. Потому что, хотя он здесь вырос, и я его любила, как сорок тысяч братьев, но не ему над чёрным колодцем июльской ночью сказали, что он перчатка, которая по размеру пришлась чьей-то ловкой, сильной руке.

ТБИЛИСИ

Плакать я начала буквально сразу же. Как только приехали в Тбилиси.

Во мне вдруг обнаружилось столько любви, что она иначе не выражалась. Изливалась слезами, притягивала мои ладони к ржавым перилам и старым потрескавшимся стенам, иногда обрушивалась с такой силой, что я падала на асфальт и прямо там лежала, задыхаясь от нежности и счастья, а машины объезжали меня опасно.

Чужая старенькая женщина погладила меня по щеке и сказала «девочка моя», а я поймала её сухую коричневую руку и поцеловала в ладонь, будто всегда так делала, и почувствовала, что прощена. Так будет ещё не раз. Через два года я снова буду шагать по этому городу, забреду в какие-то крохотные путаные дворики — из тех, что размазываются ветром, как только ты сворачиваешь за угол и больше не держишь их взглядом, — и увижу деревце с со-

зревающими гранатами. Стану кружить вокруг него, целясь фотоаппаратом, выстраивая кадр, чтоб гранат был на переднем плане, а за ним уже и лесенки, и балкончики, и всё остальное хлипкое человеческое жильё.

А из окна второго этажа меня окликнет другая женщина, но тоже старенькая, и я, уставшая, напуганная всем опытом предыдущей дурацкой своей жизни, трусливо попячусь, будто мне 13 и я курю в чужом подъезде. А она скажет мне: «Они ещё не готовые, невкусные! Погоди, детка!»

От этого «детка» я застыну тупым столбиком, и буду так стоять, пока она не спустится — прихрамывающая, крохотная, мне по плечо, в руках ножницы, — отрезать для меня ветку с гранатами. Выбирать будет долго.

«Хочу, — скажет, — лучшие. Бери, пусть тебе на память будет от Анны. — И притянет

к себе мою голову, и поцелует в лоб. И скажет: — Счастья тебе, девочка».

Тбилиси, — говорю я, говорим мы, говоришь ты, отмеряешь по слогам: — Тби-ли-си. Чувствуешь, как по глотку вливается в тебя его кровь, его мёд? Как смыкаются губы, как приятно и весело языку отбивать это «тби», как ему ловко?

Что значит вообще для меня Тбилиси, этот город Т?

Это будто бы ты падал, уже упал и летишь, переворачиваясь, пытаешься ухватиться за воздух, разеваешь рот, но крик вбивается в глотку, и вот уже сейчас, сейчас земля... а тебя вдруг ловят большие мягкие ладони.

Тут люди, как дома, слышишь. А дома, как птицы. А птицы, как я не знаю что, — у них небольшие крылья, иначе неудобно ходить по улицам и обниматься в подъездах, но летят же, летят, летают!

И ты видишь в подземном переходе мужчину, который ест какой-то уличный пирожок, и лицо у него такое, будто он философ и ангел одновременно. И ты идёшь к нему и спрашиваешь: а можно вас сфотографировать, как вы едите пирожок?

И он с таким достоинством кивает, что ты цепенеешь. А он продолжает жевать.

И ты ходишь, ходишь, как никогда не ходишь у себя дома, в своём городе, и ноги почти не устают, а наоборот — просят ещё, и несут тебя куда-то по кривым улочкам, а за ними едва поспевают глаза. А иногда глаза бегут впереди и подтаскивают тебя, уцепившись за фриз, дверь, вывеску, балкон, лестницу, лестницу, лестницу.

Город похож на осенний хрустальный день, похож на текст удивительной чистоты и ясности. Он течёт, будто сам по себе, и ты вдруг вспоминаешь давно забытое. Будто тебе снова 7 или 10 и ты гостишь в Брянске у папиной родни, а ночью стараешься не уснуть, и запомнить каждый звук этого мира: как за стеной, за толстым слоем обоев разного цвета вздыхает пожилая мышь, как последние капли дождя конфузливо ударяют по карнизу, и в гуще тёмного сада тяжёлая антоновка падает в мокрую траву, словно кто-то говорит «останься», «останься» и не получает ответа.

И ты остаёшься в городе Т, даже когда уезжаешь, всё равно остаёшься. Часть тебя бродит вечерами по Сабуртало, застывает перед витринами в квартале Вико, заходит в крохотный мага-

зинчик на Серебряной улице. Это твой любимый магазинчик, там тебя узнают и улыбаются тебе. Они помнят всё, что ты у них покупала: войлочную кривоногую овцу, похожую на больную собаку, керамический гранат, деревянную висюльку на шнурке. А ещё помнят, как в мае тебе там купили ярко-цветных Рыб, а ты смеялась и гладила их. И хотя ничего из этого ещё не случилось, но уже в первый приезд было обещано так ясно, что любовь заполнила сердце до краёв.

От этой огромной моей любви опрокидывались лошади, свиные шашлыки делались халальными, вода на глазах превращалась в чачу, пьяные тяжёлые звёзды устало покачивались над моей хрустальной головой, и ничего с этим нельзя было поделать.

Ничего нельзя было поделать с этим счастьем, кроме как плакать и обнимать всех, кто шёл навстречу и улыбался...

А когда не оказывалось рядом никого человеческого, то можно было любить встречного незнакомого кота и рассказывать ему про жизнь, про Тинатин, про радость; не понимать ни слова, а просто купаться в чужом говоре; про то, какую свободу испытываешь, потерявшись, остав от своих, заблудившись; и как в одном из старых дворов ты находишь винтовую лестницу и взбираешься по ней до самого до верха, на крышу, откуда виден уже весь город, а за тобой поднимается человек и не ругается, а смотрит озабоченно и говорит: «Осторожнее, не упадите, тут не очень надёжные перила!».

И кот понимает, а что ему остаётся? Он рассказал мне всё. Про то, как устроен мир, что он — как огромная миска с молоком; и эту миску, миску из необожжённой глины, лепил гончар, у которого не хватает одного пальца на левой руке, а дочка его сбежала с торговцем пряностями; а молоко в этой миске сладкое, и от него забываешь всё на свете: кто отпил — онемел и потерялся.

Кот всё понимает, он животное древнее, мудрое, и смотрит на тебя снисходительно, он всё знает, и даже то, что ты ничуть не ошибаешься, когда говоришь, что яркое оранжевое пятно простыни, среди прочего белья вывешенной на просушку, совершенно не случайно, от этой простыни светится весь двор, и её повесили тут именно для тебя, да.

Чтоб увидела и ахнула от этого света, и заплакала ещё раз.

ИСТАНБУЛ

И это была последняя ночь в Стамбуле.

Во мне плескалась ракия и слёзы, а надомной чайки металась в небе, как белобрюхие панические рыбы.

У меня до сих пор горько во рту от пахлавы и щербета, а в глазах рябит от огней и лиц.

Я не купила себе юбку — яркую, как середина лета, — мне казалось, что я её недостойна, и это всем станет ясно, как только они посмотрят на нас с юбкой.

Душа моя, я пела с какой-то странной женщиной в странном ресторанчике, представь!

Правда, пела, хотя этого никто не слышал, только она знала, что пою.

Но сначала послушай.

Тут так.

Надо идти по Истиклялю — это имя улицы, такое хрупкое бьющееся имя, ты подумай, а потом вдруг смертельно устать от всего, от чужого веселья, от огней; и тогда сразу свернуть в один из переулков и изнемогнуть уже от тесноты и жаровень, и гула голосов, и чужой речи, и запахов еды, таких густых, что ты пробиваешься через них и выходишь, пошатываясь, навсегда сытый, вот тогда и будет этот ресторанчик, душа моя.

И в ресторанчике будет его хозяин — гибкий седой мужчина, носастый, улыбчивый.

И будут сидеть его гости за столиком, практически на улице, и будет опять сидеть она. Ты поймёшь, что это она, у неё вульгарный смех и затравленный взгляд.

Она немолодая, густо накрашенная с оголёнными плечами и глубоким декольте. Она подзывает к себе каких-то оборванных уличных музыкантов, машет им, будто ищет спасения, и они подходят спасать, и она начинает петь.

Она поёт про родство и сиротство.

Про то, как прекрасна свобода быть жалкой и всё потерявшей.

Как мучительно ждать, когда на плечо опустится ладонь, но ложится только загар.

И это неосуществившееся незагорелое место на твоём плече и есть вся твоя тайна.

Твоя слабость.

Твоя отвага.

Твоя злость, и просьба, которую никто никогда не расслышит...

...и правильно сделает, правильно сделает.

Она пела, и я не понимала, как люди вокруг оставались живыми под этот её голос, который бился о стены и поднимался вверх к чёрному низкому небу над Истиклялем.

Пела про любовь, конечно, пела кому-то далёкому, заговаривала судьбу.

Давай убежим, — пела она, — давай убежим ото всех и станем ходить всюду вместе, держась за руки, и это будет вечно, то есть год или два, а потом ты закрутишь с красивой официанткой, станешь пропадать в её ресторанчике, а я с горя решу топиться, но передумаю и заведу шашни с дрессировщиком тигров и уже почти убегу с ним и тиграми, а ты уже почти перенесёшь все свои вещи к официантке, но вдруг как-то вечером мы, уже совсем чужие, посмотрим друг на друга и, не говоря ни слова, соберём наши манатки и уедем ночным автобусом.

Вместе, в другой город, где всё повторится, и ещё повторится, но мы, в конце концов,

обязательно будем уезжать ночным автобусом. Вместе.

Наверное, именно это она и говорила, я не знаю языка, а я смотрела на неё сверху с балкончика над залом, облокотившись на перила смотрела.

И я отвечала ей по-русски: знаешь, ты пой, — говорила я, — потому что когда ты поёшь так хрипло и фальшиво, я могу не думать ни о чём.

Я ей говорила: знаешь, вот кончается день, а с ним и город, и завтра станет всё другое, и я сяду в металлическую странную птицу, и она сделает вид, что летит, а на самом деле рабочие в спецовках просто передвинут декорации, и я забуду тебя, обязательно забуду, иначе станет больно жить.

Она была жалкая и красивая одновременно, и она купила венок, душа моя. Мимо бежали дети, продавали венки из цветов.

И она подозвала и купила себе веночек.

И надела.

И сама расплатилась за него.

А ведь пятеро мужчин сидели с ней за одним столом.

Они кивали ей, улыбались, подливали в её стакан, но никто из них не дёрнулся, когда она полезла в свою сумочку за деньгами — и это ужасно неправильно.

Женщины не должны сами покупать себе такие венки. Как и такие юбки. Юбки, похожие на пёстрое лето, не покупаются просто так, от скуки, от много денег, особенно если ты не носишь юбки; я говорила себе: пойми, ну это смешно, мне её никак нельзя.

А эта женщина, потерянная сестра, она хрипло пела, будто кричит и плачет, и всё понимала про юбку, про чаек, про судьбу и тоску, слишком много понимала, в этом своём венке, чтобы я могла там оставаться, душа моя, слышишь ли?!

Светлана Анохина

Магомед Бисавалиев

С могилы моих предков приятный запах...

— Разное говорят... О человеке, который жил с медведями в лесу, рассказывали мне в детстве, мол, это произошло с одним разбойником из Цора. Слышал позже, что это произошло с братом Алимасул Тинав из Чорода. Его звали МухАама, ГАлимасул МухАама, так говорят чородинцы. Я это не могу ни подтвердить, ни опровергнуть. Мне непонятна в этой истории одна деталь. По какой причине ГАлимасул МухАама жил в пещере в Цоре и от кого он прятался? Если — как мюрид Шамиля, который воевал против русских, то их, как мне известно, после пленения имама не преследовали и всех амнистировали. Если — как кровник, который натворил что-то, то об этой стороне мне ничего неизвестно, — говорит отец, разглядывая с веранды нашего дома дальние горы Джурмута.

Почувствовав мою заинтересованность, он прерывает рассказ:

— Ты, если намерен что-то писать об этом, подумай хорошо. В прошлый раз ты

про Тинав написал, и они все ворчат, что из их газиява (борец за веру) ты сделал бандита. Они не понимают эти вещи. Для них надо прямо так и писать: был газияв — иных форм повествования они не примут; для них только два цвета — чёрный и белый, оттенки не увидят, не образованны, книг не читали. Хотя, от кого они его защищают, мне непонятно. Алимасул Тинав и Алимасул Мухама моей матери дедушки брата, — добавил отец. — Всё же лучше оставь ты этих людей, не давай им пищу для сплетен...

Я понял, что что-то интересное упустил и вряд ли верну отца к этой теме. На следующий вечер из Чорода приехала тётя, главный рассказчик «Тайной тетради», приехала она навестить мою маму — та болела.

Местный фельдшер сделал маме успокаивающий укол, и она заснула. Свет пропал, за окном шёл проливной дождь, керосиновая лампа освещала наш ужин и собравшихся за столом. Отец пошёл к себе, и я получил возможность поговорить с тётей.

— Алимасул Мухама тоже был газияв. Мой покойный дед Абдурахим из Чорода был, оказывается, на его могиле в Цоре. От могилы шёл очень приятный запах, аромат свежих яблок. Говорят, так бывает, тела газиев не разлагаются в могилах. И хоронят их в чём умерли, без савана.

Я чувствовал, что беседа идёт не в том направлении, и навёл тётю на тему:

— Он в лесу от кого прятался?

Тётя оживилась. Поправила гормендо, прикрывавшее волосы, отодвинула стакан с чаем и начала:

«Покойный дедушка рассказывал. Алимасул Мухама несколько зим, оказывается, жил в лесу. Выбрал место на возвышенности, откуда видны все дороги, которые шли в его сторону. У высокой отвесной скалы нашёл пещеру, там и устроился; а чуть ниже, за густыми зарослями в такой же пещере была берлога старого медведя. А перед скалой рос каштан, и на его ветвях свил себе гнездо гриф. Так и жили на этом крохотном клочке земли трое: человек, зверь и птица. Друг другу не мешали.

Мухама наизусть знал повадки своих соседей, время выхода за добычей, время возвращения, сам старался жить в гармонии с природой, раз судьба уготовила ему такую

участь. Если ел Мухама мясо, то кости бросал вниз; медведь выходил, обнюхивал их, подбирал и уносил к себе. Но сильно не любил огонь, когда Мухама разводил костёр, зверь, учуяв дым, шумно, ломая ветки, выбирался из берлоги и уходил в лес. Гриф же с любопытством наблюдал с высоты за странным новым соседом. Вот так шли дни, наступали ночи, все втроем ждали наступления весны.

Однажды вечером, когда Мухама вернулся в свою пещеру, он не увидел в гнезде грифа. Прошло несколько часов, в лесу стемнело, а грифа всё не было. Мухаму это сильно обеспокоило — был нарушен привычный порядок вещей. Будто не вернулся к ночи кто-то очень близкий, чуть ли не член семьи. Так и заснул Мухама, а в полночь шум разбудил его. Будто кто-то летел, но неровно, тяжело, задевая крыльями за верхушки деревьев, а потом тяжело упал вниз, путаясь в ветвях и ломая их. В темноте невозможно было ничего разобрать, и Мухама в нетерпении ждал, когда станет светать. Когда рассвело, увидел Мухама пустое гнездо на великанском каштане. А у корней дерева нашёл грифа, пронзённого стрелой с клеймом мастера, который её выковал. Вытащив стрелу, он поднялся в свою пещеру,

поглядел ещё раз на гнездо, что опустело навек. Его охватила глубокая печаль, и он запел. «Вот так в один день упаду и я, — пел Мухама, — и неизвестно, что уготовила мне судьба, за каким поворотом меня ждёт смерть, из чьего лука будет выпущена стрела, что пронзит моё сердце?»».

Стрелу, что убила грифа, он решил сохранить в память о долгих серых днях, в память о силе и мощи, о размахе могучих крыльев, о полёте, который был прерван в один миг, и в память о себе, вынужденном скрываться от людей и жить среди диких скал, как зверь.

Прошло несколько десятков лет. Алимасул Мухама вернулся к людям, вернулся в Джурмут и зажил размеренной, спокойной жизнью. Изредка спускался в Цор, с большой осторожностью спускался, ибо там ходили люди, которые были с ним в кровной вражде. Однажды в местности Лымсверуа (Водораздел) на границе с Цором он был в гостях у чабанов, они зарезали ягнёнка и ждали, пока мясо сварится. Среди чабанов был один незнакомый человек, он всё время смотрел на оружие Алимасул Мухама. Через некоторое время гость обратился к Мухама:

— Ты не дашь мне посмотреть стрелу, которая за твоим ремнем?

Алимасул Мухама с осторожностью вытащил стрелу, передал её гостю и замер,

держа руку на сабле. Гость посмотрел на клеймо, медленно поднял глаза на Мухама и спросил:

— Откуда это?

— Вытащил из груди подстреленного грифа...

— Где?

— В лесу, между Белоканом и Джурмутом...

Гость ухмыльнулся и сказал:

— Это моя стрела, вот мой мугьру (клеймо), — вытащил и показал точно такую же стрелу с клеймом. — Я эту стрелу пустил лет 30 назад в грифа, который сидел на мёртвой кобыле в местности дальше Диди Ширака в Гуржистане. Оттуда до границы Белоканов и Джурмута более 400 километров. Когда гриф улетел, я думал, что метров через 100 он упадёт. Не упал, ушёл в облака и исчез из виду. Вот как она попала к тебе, оказывается, — сказал гость и вернул стрелу Мухаме...»

Тут тетя перешла к рассказу о том, как мужественно Алимасул Тинав дрался с кяфирами и погиб как герой. А меня все не отпускали картины цорского леса, одинокого аппарата, грифа, медведя и окружающих их гор. Газават, войны, походы и всадники исчезли куда-то, когда рассказали о большом желании выжить птицы, зверя и человека.

Сказка

Анастасия Блищавенко

о Безбашенной Принцессе

Каждой принцессе до поры до времени суждено томиться в тёмной и мрачной башне. Обязательно в очень тёмной и очень-очень мрачной. Там они хорошеют с каждым днём, и ждут своего звёздного часа. Подобно дорогому вину или бабушкиному компоту, оставленному в подвале или кладовке до лучших времён и всеми покинутому. Вспомните тот самый баллон в дальнем углу шкафа: с запylённой крышечкой и помутневшим от времени стеклом. До него почти никогда не доходит очередь и выглядит он весьма плачевно. Действительно, если в сыром подzemелье или мрачной башне вам удастся отыскать того, кому мрак и сырость будут только на пользу, то бегите оттуда без оглядки: у меня для вас плохие новости.

Не знаю уж, кто и когда выдумал хранить прекрасных принцесс, как компоты и таблетки, в тёмном и недоступном для детей

месте, но на пользу им это явно не шло. Вопреки легендам, они быстро худели, бледнели и чахли в темноте и полном одиночестве. А принцы почти всегда находили их в самый последний момент. Может быть, именно поэтому сказки являют нам принцев настолько прекрасных и благородных, что даже нельзя описать пером. А заточённым в башнях принцессам после стольких лет непроглядного одиночества любой, даже самый захудалый и никчёмный королевский отпрыск, мог показаться настоящим чудом.

Помимо мрачной башни и прекрасного принца, каждой принцессе положен дракон. Настоящий, огнедышащий и чешуекрылый. Без устали стережёт он доверенную ему принцессу до самого прихода Единственного. Того, кто наконец освободит деву от оков вечного мрака, и чей сверкающий меч сможет сразить дракона. Рыцарь всегда побеждал чудовище, каждый

раз освобождал принцессу, и жили они, если верить летописям, достаточно долго и счастливо. И всё бы шло по сценарию, но... Кроме драконов и смелых воинов, испокон веков были и те, кто упорно шёл против системы, оставляя за собой груды разрушенных стереотипов. Даже среди принцесс.

Я знал одну такую принцессу, и, признаюсь вам честно, она была совершенно безбашенная. Терпеть не могла башен за их сырость, темноту и отсутствие вай-фая. Эта принцесса не только никогда не жила в башне, но даже не имела собственного дракона! (Её большой и полосатый кот вряд ли подходил для этой должности... Хотя, кто знает, что у этих котов на уме?) Рыцарей принцесса тоже недолюбливала. Они всегда заявлялись в самый неподходящий момент, вооружённые до зубов, и обрушивали гнев на ни в чём не повинных ящеров. А те ведь просто исправно несли службу! Рыцари забирали себе их крылья, зубы или головы, хвастались ими как охотничьими трофеями и громко смеялись. В общем, вели себя в высшей степени скверно. Настолько, что иногда Безбашенная Принцесса даже разделяла драконье желание спалить парочку нахалов на открытом огне. За такие убеждения и взгляды окружающие её сторонились, а драконы любили. Загорелую, весёлую и поистине прекрасную, они катали её на шершавых чешуйчатых спинах. Но только в ночные часы, когда им не надо было так пристально наблюдать за своими принцессами. Напудренными до смертельной белизны, пропахшими сыростью и тьмой, с изъеденными молью душами.

Безбашенная Принцесса не раз и не два предпринимала попытки образумить нафталиновых подруг. Показать им Большой Мир и настоящее солнце за стенами их старых унылых башен. Но леди не хотели менять в тусклой и однообразной жизни решительно ничего и не поддавались никаким уговорам. Ссылаясь на то, что в башнях жили их матери, бабушки, прабабушки и ещё великое множество этих самых «прапрапрапра...». И каждую обязательно находил принц. Так зачем искать счастья в Большом Мире, если оно само рано или

поздно приплывёт к тебе прямо в руки? Пусть и не оставит тебе права выбора и ответа на вопрос: «А надо ли тебе оно?».

Так и жила Безбашенная Принцесса, одна единственная из всех не ограниченная никакими запретами и толстыми стенами. Любила яркое солнце, синие джинсы, проливные дожди и манящий запах свободы. Незаметно для себя владея целым миром.

Однажды, лёжа на цветочном лугу и отрёшенно жуя зелёную травинку, принцесса считала небесные стада пушистых облаков. Сегодня особенно хорошо мечталось. Вдруг солнце ей загородила чья—то внушительных размеров тень. Безбашенная повернула голову и увидела перед собой фигуру в сияющих доспехах, но тут же, ослеплённая, отвела взгляд. Обладатель начищенных до блеска доспехов снял с головы шлем. Лучи закатного солнца добрались до его медовых волос, и теперь они золотым ореолом обрамляли его тонкое красивое лицо. Настоящий Прекрасный Принц!

— Добрый день. Прошу меня простить. Я искал здесь принцессу, но обнаружил в траве вас и не смог пройти мимо. Потому как в этих краях цветка чудеснее я ещё не встречал.

Безбашенная села, выплюнула травинку и сощурилась. Прекрасным принцам она не доверяла.

— Вы искали принцессу? Что ж, здесь полно принцесс. Выбирайте любую. — Жестом она указала гостью на скалистое ущелье, где, царапая верхушками небеса, возвышались королевские башни. — А я, с вашего позволения, хотела бы продолжить моё занятие. — И, не дожидаясь никакого позволения, принцесса снова скрылась в густой изумрудной траве.

Принц заметно помрачнел. Он немного постоял посреди звенящего дуга в полной растерянности, вдруг неожиданно бросил шлем в траву и, гремя доспехами, уселся рядом. Вид у него был очень грустный. Тут Безбашенной овладело любопытство. Она уже забыла о своих делах и снова высунула из зарослей рыжую голову.

— У вас всё хорошо? — вежливо поинтересовалась она.

Принц обратил на неё взгляд прозрачно-голубых глаз и печально улыбнулся.

— Вообще-то, не очень. Я приехал в эту долину для того, чтобы найти свою Единственную. Но когда я узнал о местных обычаях, понял, что обречён на провал. Там, откуда я родом, не принято убивать драконов. Даже наоборот. Мой отец держит троих возле нашего дворца. Он их очень любит. И я тоже. Если честно, я не в восторге и от этого средневековья. — Кивком головы он указал на свои сияющие латы. — Обычно я предпочитаю свободный стиль, но хотел, чтобы сегодня всё было по форме. А что касается башен... Там вечно царит такая адская сырость. В общем, у меня на неё аллергия. Я надеялся, что найду выход, но, похоже, мне придётся возвратиться домой ни с чем. — Немного помолчав, он, без особой надежды в голосе, добавил: — А вы, случайно, не принцесса?

Безбашенная кивнула:

— Случайно, принцесса.

— А почему вы тогда не в башне, как все остальные, и где же ваш дракон?

— А я разделяю ваши взгляды относительно башен и драконов.

Юноша просиял.

— Какое чудо! Теперь я спасён. Не случайно же вы сразу мне приглянулись! Те-

перь я увезу вас домой и через несколько лет сделаю королевой. — И тут же поспешно добавил: — Если вы не против.

Безбашенная принцесса была не против. Она была очень даже за. Но тут принца снова что-то опечалило.

— Но постойте, если мне не надо вызывать вас из башни и если мне не надо убивать дракона, то что же мне тогда делать? Какой подвиг я совершу во имя прекрасной дамы и как докажу отцу, что достоин носить звание Благородного Рыцаря?

Безбашенная задумалась:

— Боюсь, в таком случае у нас ничего не получится. И эта система... Я столько лет её презирала! Она оказалась гораздо мудрее?! А хотя... Я, кажется, знаю, какой подвиг вы сможете совершить! И у вас будет много доказательств для вашего отца. Они ему понравятся!

Той ночью ни одна заточённая в башне принцесса не сомкнула глаз. В ночной тишине то и дело слышался прерывающийся драконий рёв и оглушительный звон цепей. Но в маленькие зарешеченные окошки почти ничего нельзя было разглядеть.

Когда последняя цепь, звеня железом, исчезла в холодной бездне, Безбашенная оседлала дракона с рубиново-красной чешуёй и воскликнула, обратив взор в темноту: «Теперь ты по праву можешь называться Благородным Рыцарем!» Она повернулась, смеясь, шепнула что-то своему дракону и взмыла на нём навстречу луне и ночи. Её незримый во тьме спутник, которого она только что назвала Рыцарем, незамедлительно последовал за ней, выбрав себе дракона, со сверкающей в лунном свете изумрудной чешуёй. Вскоре воздух наполнился хлопаньем могучих крыльев, и из-за них теперь нельзя было разглядеть ни луны, ни звёзд.

Узницы старых башен так и не узнали, куда вдруг за одну ночь подевались их верные стражи. Но даже никем не охраняемые, они не решились покинуть комнат, и остались так же пылиться во мраке на многие года. Конечно, они ничего не узнали и о помолвке Благородного Рыцаря и Безбашенной Принцессы. Ведь в их башнях всегда было очень сыро, темно и никогда не было вай-фая.

